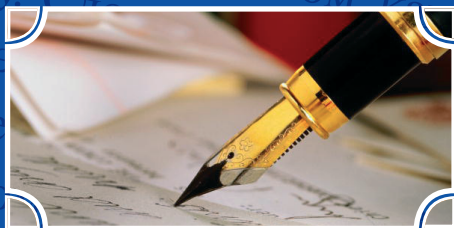

Министерство образования и науки Российской Федерации
Тольяттинский государственный университет
Гуманитарно-педагогический институт
Кафедра «История и философия»

М.И. Пантыкина

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА

Электронное учебно-методическое пособие

© ФГБОУ ВО «Тольяттинский
государственный университет», 2017

ISBN 978-5-8259-1181-6

УДК 81:1(075.8)

ББК 81.2-923

Рецензенты:

д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой «Философия, история и правоведение» Поволжского государственного университета сервиса *В.П. Овсянников*;

д-р филос. наук, профессор кафедры «История и философия» Тольяттинского государственного университета *И.В. Цветкова*.

Пантыкина, М.И. Философия языка : электрон. учеб.-метод. пособие / М.И. Пантыкина. – Тольятти : Изд-во ТГУ, 2017. – 1 оптический диск.

Учебно-методическое пособие предназначено для организации аудиторной и самостоятельной работы студентов-магистрантов по дисциплине «Философия языка». Оно отвечает требованиям федеральных государственных стандартов высшего образования, направлено на формирование соответствующих общекультурных и профессиональных компетенций, предполагает проведение аудиторных занятий с использованием образовательной технологии критического мышления. Изучение каждой темы сопровождается теоретическими и методическими рекомендациями, подборкой научной и учебной литературы, вопросами для самоконтроля.

Адресовано студентам направления подготовки 45.04.01 «Филология», направленности «Лингвокриминалистика», очной формы обучения и преподавателям высших учебных заведений.

Текстовое электронное издание.

Рекомендовано к изданию научно-методическим советом Тольяттинского государственного университета.

Минимальные системные требования: IBM PC-совместимый компьютер: Windows XP/Vista/7/8; PIII 500 МГц или эквивалент; 128 Мб ОЗУ; SVGA; CD-ROM; Adobe Acrobat Reader.

© ФГБОУ ВО «Тольяттинский
государственный университет», 2017

Редактор *Г.В. Данилова*

Технический редактор *Н.П. Крюкова*

Компьютерная верстка: *Л.В. Сызганцева*

Художественное оформление, компьютерное

проектирование: *Г.В. Карасева, И.В. Карасев*

Дата подписания к использованию 06.09.2017.

Объем издания 1,7 Мб.

Комплектация издания: компакт-диск, первичная упаковка.

Заказ № 1-66-16.

Издательство Тольяттинского государственного университета

445020, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14,

тел. 8 (8482) 53-91-47, www.tltsu.ru

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
Раздел I. ОНТОГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА	10
Тема 1. Язык как деятельность	10
Тема 2. Язык как форма репрезентации человека в мире	18
Тема 3. Язык как форма смыслообразования	27
Раздел II. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОГРАММЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА	40
Тема 4. Аналитическая философия: история и современность	40
Тема 5. Феноменологическая и герменевтическая теории языка	49
Тема 6. Теории коммуникации и дискурса	57
Тема 7. Постструктурализм и психоанализ в философии языка	70
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	81
ГЛОССАРИЙ	82

ВВЕДЕНИЕ

Учебно-методическое пособие «Философия языка» восполняет отсутствие учебных изданий, обеспечивающих методическое сопровождение подготовки магистрантов-филологов к практическим занятиям по дисциплине «Философия языка». Назначение пособия состоит в формировании у студентов системного представления о языке как предмете философской рефлексии, навыков применения концептуальных положений и методологии современных направлений философии языка к решению профессиональных задач. В частности, при изучении каждой темы студентам предлагается освоить теоретический материал и разобраться в проблемах, лежащих на стыке лингвистики, философии языка, философии права и юриспруденции. Кроме того, дисциплина «Философия языка» позволяет магистрантам сконцентрировать внимание на решении ряда задач, определяющих новизну и фундаментальность научно-исследовательской работы:

- освоить основные концепции философии языка и понять причины их возникновения в социокультурном контексте;
- выявить философские (онтологические, методологические, гносеологические, аксиологические) основания филологии и лингвистики;
- проанализировать историю развития основных проблем философии языка, показать их значение для развития научной парадигматики социально-гуманитарного знания;
- дать философское обоснование актуальных проблем и методологических принципов лингвистического исследования.

Следует подчеркнуть, что философия языка — это исследовательская область философии, в которой не просто анализируется взаимосвязь мышления и языка, а выявляется конституирующая роль языка, слова и речи в различных формах дискурса, в познании и в структурах сознания и знания. Ее развитие в качестве самостоятельного научного направления началось еще в XIX веке, а как учебная дисциплина философия языка окончательно конституировалась только в конце XX века. Ее относительная «молодость» обуславливает наличие проблемы отсутствия баланса между зна-

чительным объемом научных достижений философии языка и временными ограничениями учебного плана, а также необходимостью формирования определяемых ФГОС ВО компетенций магистрантов-филологов.

Пособие представляет собой один из вариантов решения этой проблемы. В нем предусмотрены два раздела и семь тем. В первом разделе «Онтогносеологические основания философии языка» студентам предлагается освоить учебный материал, раскрывающий философские основания лингвистической научной картины мира. В процессе изучения второго раздела «Теоретико-методологические программы современной философии языка» студенты знакомятся с философско-методологическими подходами, применение которых определяет степень актуальности и новизны научных исследований в области лингвистики и филологии.

Освоение каждой из семи тем предполагает следование алгоритму (маршрутизатору):

Шаг 1. Теоретические вопросы для самостоятельного изучения

Необходимость этого пункта алгоритма обусловлена недостаточным количеством лекций, которые должны быть компенсированы самостоятельным изучением студентами значительного объема учебного и научного материала.

Шаг 2. Изучив данную тему, студент должен...

В данном пункте студентам предлагается перечень знаний, умений, навыков, степень сформированности которых будет оцениваться по окончании изучения каждой темы.

Шаг 3. Алгоритм освоения темы...

Этот пункт представляет собой перечень конкретных действий, которые необходимо предпринять для подготовки к практическому занятию.

Шаг 4. Теоретические и методические рекомендации по изучению темы...

Учебный материал этого пункта является самым объемным и содержательно насыщенным. В результате его изучения студент систематизирует ранее изученную научную и учебную литературу, акцентирует внимание на наиболее сложных и важных дидактических единицах (проблемах, понятиях, теориях, методологических про-

граммах). Подчеркнем, что предлагаемый учебный материал представлен схематично и конспективно и поэтому не может служить единственным источником информации для подготовки к практическому занятию. С одной стороны, в этом пункте могут освещаться не все задания, с другой — он может содержать дополнительные сведения по теоретическим вопросам, необходимые для более основательной проработки заданий практического занятия.

Шаг 5. Практическое занятие № ...

Данный пункт состоит из последовательного описания хода проведения практического занятия, заданий к нему и списка литературы.

Шаг 6. Вопросы для самопроверки

В этом пункте представлены вопросы, которые позволяют проверить качество полученных знаний, представленных в описании **шага 2**.

В связи с тем что основу дисциплины «Философия языка» составляет сложный теоретический и научно-методологический материал, для его изучения выбрана технология развития критического мышления, то есть такая организация учебного процесса, при котором студенты проверяют, анализируют, применяют полученную информацию с целью развития когнитивных умений и навыков. Данная образовательная технология реализуется на практических занятиях в форме докладов и собеседований. Каждой из этих форм соответствует своя система критериев оценивания.

Критерии оценивания для формы практического занятия «Собеседование»:

«отлично» — изложение теоретического материала основной и дополнительной литературы системное, доказательное, с использованием примеров языковых явлений и процессов, безошибочное владение философскими методами исследований для постановки и решения научных и профессиональных задач;

«хорошо» — изложение теоретического материала основной литературы системное, доказательное, оперирование теоретическим материалом различной степени сложности, наличие единичных ошибок в использовании научной терминологии и методов философских исследований;

«удовлетворительно» — изложение теоретического материала основной литературы сжатое, структурированное в соответствии с собственной логической схемой студента, ответы на вопросы не самостоятельные, с несущественными ошибками и неточностями, демонстрируется способность приводить поясняющие примеры, имеется представление, но не владение методами философских исследований;

«неудовлетворительно» — изложение минимума теоретического материала основной литературы сжатое, не структурированное, неумение оперировать фактами языковых явлений и процессов, отдельными методами, отсутствие навыков владения минимумом обязательной терминологии, наличие существенных стилистических и логических ошибок.

Критерии оценивания для формы практического занятия «Доклады»:

«отлично» — студент освоил теоретический материал основной и дополнительной литературы, подготовил на его основе логически структурированное выступление с видеопрезентационными материалами и вопросы для аудитории по собственному материалу, продемонстрировал умение применять теоретический материал к анализу языковых явлений;

«хорошо» — студент освоил теоретический материал основной литературы, подготовил на его основе логически структурированное выступление с видеопрезентационными материалами и вопросы для аудитории по собственному материалу, продемонстрировал умение применять теоретический материал к анализу языковых явлений;

«удовлетворительно» — студент освоил минимум теоретического материала основной литературы, подготовил на его основе сжатое, структурированное в соответствии с собственной логической схемой выступление без видеопрезентационных материалов, ответы на вопросы не самостоятельные, с несущественными ошибками и неточностями;

«неудовлетворительно» — студент не освоил минимума теоретического материала основной литературы, выступление не подготовил, на вопросы не отвечал, задавал вопросы и высказывал суждения по поводу других выступлений.

По дисциплине «Философия языка» предусмотрена промежуточная аттестация в форме *зачета*. Оценка «зачтено» или «незачтено» выставляется в соответствии с условиями, представленными в таблице:

Форма проведения промежуточной аттестации	Условия допуска	Критерии и нормы оценки	
Зачет	Допускаются все	«Зачтено»	– более 50 % правильных, аргументированных ответов на вопросы с примерами; – владение приемами рассуждения и сопоставления материала из разных источников
		«Незачтено»	– менее 50 % правильных, аргументированных ответов на вопросы без примеров; – отсутствие навыков владения приемами рассуждения и сопоставления материала из разных источников

Раздел I. ОНТОГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

Тема 1. Язык как деятельность

Вопросы для самостоятельного изучения

1. История развития представлений о языке как деятельности в философии языка.
2. Виды и схемы языковой деятельности.

*Изучив данную тему, студент должен
знать:*

- историко-культурные и общенаучные предпосылки возникновения деятельностного подхода к изучению языка;
- основные положения языковых концепций В. фон Гумбольдта, Л. Витгенштейна, К. Бюлера, Дж. Остина, Н. Хомского, П. Бурдье, П. Бергера, Т. Лукмана;
- определения информационной и конструирующей деятельностей языка;

уметь:

- объяснять причины влияния теории познания И. Канта на языковые концепции XIX—XX вв.;
- проводить сравнительно-исторический анализ концепций языковой деятельности;
- использовать философские положения о языке как деятельности для постановки и решения научных и профессиональных задач лингвокриминалиста;

владеть навыками:

- применения философских концептов «язык как энергия», «языковая игра», «языковая хабиутуализация», «языковая институализация», «языковая легитимизация», «слово как действие» к анализу конкретных языковых явлений;
- поиска библиографии и подготовки реферативного исследования по заданной теме;
- публичного выступления и обсуждения проблемных аспектов изучения языка как деятельности.

Алгоритм освоения темы

1. Прочитать главу I § 1.1 учебного пособия С.А. Песиной «Философия языка»¹.
2. Закрепить учебный материал с помощью теоретических и методических рекомендаций.
3. Подготовить доклад (тема по выбору) к практическому занятию.
4. Проверить полученные знания с помощью вопросов для самопроверки.

Теоретические и методические рекомендации по изучению темы

Философские основания деятельностного подхода к изучению языка принято связывать с «коперниканским переворотом» И. Канта. Суть этого «переворота» состоит в отказе от аристотелевского постулата о том, что знание должно соответствовать действительности, в пользу утверждения того, что истинность знания зависит от используемых познавательных процедур творческих способностей субъекта познания. Последователи И. Канта пришли к выводу: языковые структуры (аналитические и синтетические суждения, категории) являются универсальными инструментами познания, а язык в целом — формой человеческой практики. При этом «познавать структуры мысли мы можем, лишь познавая структуры языка, так как язык — это единственное материально выраженное свидетельство наличия сознания»².

Во второй половине XX века традиция изучения языка как пассивная «в самом себе и для себя», доминировавшая в сравнительно-историческом языкознании, младограмматизме, концепции Ф. де Соссюра, трудах Женевской школы, функциональном структурализме Пражского лингвистического кружка, американском дескриптивизме, окончательно отступает. При этом открывается путь для тенденции, исторически восходящей к кантианцу В. фон Гумбольдту, утверждавшему, что язык — это *Energieia* или мыслящая и творящая сила, которая, с одной стороны, «опирается на совокуп-

¹ Песина С.А. Философия языка [Электронный ресурс]. М., 2014. С. 6–12.

² Барышников П.Н. Философия для лингвистов. Язык, сознание, реальность: горизонты смысла. М., 2013. С. 184.

ность человеческой духовной силы»³, а с другой стороны, сама воздействует на человека и человечество.

Гумбольдтовская идея о творческом и активно-деятельном характере языка, о воздействии языков на национальный дух народов в той или иной мере катализировала многие лингвистические искания XX века — концепцию языкового дрейфа Э. Сепира, гипотезу Б. Уорфа о различных моделях расчленения мира и кодирования событий, заложенных в разных языках, эпистемологию «слов и вещей» М. Фуко, в которой используется такой интертекстуальный аргумент, как гумбольдтовская антитеза «Ergon — Energeia», генеративную грамматику Н. Хомского. В частности, Н. Хомский считал, что необходимо отвергнуть сосюрговскую концепцию языка как только систематического инвентаря единиц и вернуться к гумбольдтовской концепции скрытой компетенции как системы порождающих процессов⁴. Подчеркнем, что лингвистические теории, когнитивной доминантой которых является осмысление языка как активного, творящего начала, оказали наибольшее влияние на философские исследования языка XX—XXI веков.

Важно понимать не только причины изменений в онтогносеологических основаниях философии языка, но и уметь выявлять признаки новой парадигмы языка как деятельности в лингвистических и философских теориях. С целью систематизации такого рода аналитической работы все многообразие этих теорий разделим на два типа:

1) теории, в которых язык определяется как информационная деятельность (В. фон Гумбольдт, К. Бюлер, Л. Витгенштейн, Дж. Остин, Дж. Р. Серль и др.);

2) теории, в которых язык определяется как конструирующая деятельность (Ю. Хабермас, П. Бергер, Т. Лукман и др.).

Примером теорий первого типа может служить лингвистическая концепция Карла Бюлера. В своей работе «Теория языка» (1934) он предлагает вниманию читателей модель языка как органа и соответствующее ей иллюстративное описание: «Два человека в комна-

³ Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 2000. С. 66.

⁴ Шульц В.Л., Любимова Т.М. Язык как метареальность и прогностическая структура // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 38–50.

те. Один слышит шорох, смотрит в окно и говорит: «Идет дождь», — тогда и/или другой смотрит туда, понуждаемый услышанными словами и взглядом говорящего. Так все происходит, и при этом по кругу замыкается наилучшим образом. Тот, кто хочет, может теперь заставить происходящее двигаться дальше по этому замкнутому кругу, как по спирали, без конца. Если вещь или событие все время дает достаточно обильные новые побуждения, которые попеременно воспринимает то один, то другой партнер, если дело глубоко затрагивает обоих, то они уделяют некоторое время его рассмотрению, превращая его в предмет обсуждения в диалоге»⁵.

Предложенная К. Бюлером схема языка как органа показывает, что язык служит семантическим посредником между объектом (предметы и ситуации) и совокупным субъектом (отправитель и получатель). При этом каждое языковое явление, в силу своей зависимости от отправителя, выражает его внутреннее состояние и обращено к получателю, чьим внешним поведением и внутренним состоянием оно управляет (рис. 1).

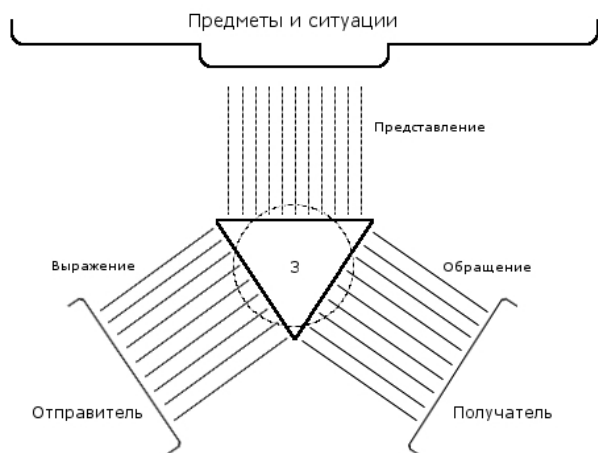

Рис. 1

⁵ Бюлер К. Теория языка. М., 1993. С. 31–32.

Примером теории второго типа, рассматривающей язык как конструирующую деятельность, является социально-феноменологическая концепция языка П. Бергера и Т. Лукмана.

Язык как конструирующая знаковая система в человеческом обществе наиболее системно представлен в их работе «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания» (1966). Созидательная функция языка, по их мнению, обнаруживается как в ситуациях «лицом-к-лицу», в выражениях субъективного «здесь-и-сейчас», так и в случаях необходимости передачи социально значимых смыслов, непосредственно не связанных с повседневным опытом. Как подчеркивали П. Бергер и Т. Лукман, «благодаря своей способности выходить за пределы «здесь-и-сейчас» язык соединяет различные зоны реальности повседневной жизни и интегрирует их в значимое целое. Его выходы за пределы имеют пространственное, временное и социальное измерения»⁶.

«Выходы» языка за пределы повседневности проявляются «через типизацию различных опытов и/или отнесение их к тем или иным категориям. Так, с помощью языка можно приблизить любые объекты, которые удалены от моего «здесь-и-сейчас» в пространственно-временном и социальном отношении, а следовательно, актуализировать весь мир в любой момент времени. С помощью языка можно выходить за пределы реальности повседневной жизни в различные конечные области значений, строить семантические поля или лингвистические зоны значений, создавать классификационные схемы для различения объектов. В рамках семантических полей языка постепенно накапливается индивидуально-исторический опыт, в результате чего конституируется социальный запас знания, передающийся от поколения к поколению и доступный каждому в повседневном мире.

Для того чтобы понять механизмы возникновения, поддержания и передачи с помощью языка последующим поколениям данного социального порядка, необходимо рассмотреть разработанную П. Бергером и Т. Лукманом теорию институционализации. В ее основе лежит положение о том, что любые человеческие действия

⁶ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат о социологии знания. М., 1995. С. 68.

по мере их повторения сначала становятся привычными, а затем превращаются в образцы. Этот процесс, который социологи называют *хабитуализацией* (опривычиванием, *Habitualization*), является первой фазой языковой деятельности и обнаруживается в речевых стереотипах и штампах. В результате многократного повторения в различных коммуникативных ситуациях происходит селекция наиболее важных и практически целесообразных из них. Привычное становится «нормальным» и создает основу для перехода к следующей фазе — институализации.

Институализация, будучи результатом «взаимной типизации деятелями привычных действий», в свою очередь, типизирует как индивидуальных деятелей, так и их действия. Основная функция института — контроль над человеческим поведением, канализируемым в желательном для общества направлении (так называемая функция первичного социального контроля). Вместе с удалением от идеальной модели социального порядка уменьшается степень общеизвестности институциональных значений. Сначала происходит сегментация институционального порядка, когда лишь те или иные типы людей совершают определенные действия, а затем вследствие социального распределения знания за конкретными типами людей закрепляется тот или иной вид специфически-ролевого знания. В результате встает проблема интеграции всего многообразия значений и легитимации разных типов институциональной деятельности. Так происходит переход в фазу легитимации, которая ведет к появлению так называемых смысловых подуниверсумов.

Смысловые подуниверсумы — это своего рода «символические» или «смысловые» структуры, включающие совокупность значений, которых придерживается определенная группа, для которой эти значения несут характер объективной реальности. Примером такого подуниверсума является право, обслуживаемое языком юристов. Современный французский социолог П. Бурдьё, в частности, писал, что только благодаря символизации поддерживается *хабитуализованная структура социальных позиций «юридического поля»*. Действительно, во-первых, правовые высказывания производны от кодифицированных правил и процедур их построения, которые, в свою очередь, являются результатом конкурентной борьбы специ-

алистов разных компетенций за место на рынке продажи юридических товаров и услуг⁷. Во-вторых, специфика семантических полей правовых суждений определяет линию демаркации между «теоретиками» и «практиками»⁸. В-третьих, с помощью юридического языка «профессионалы» формируют зависимую позицию «профанов», либо усиливая их «юридическую нужду» в отстаивании субъективных прав в установленном порядке, либо сводя ее на нет⁹. В-четвертых, перформативные высказывания компетентных органов и их агентов представляют собой магические акты категоризации (*kategoesthai* — «публично обвинять») и легитимизации определенного, а не какого-либо иного, видения порядка вещей, которые являются монополией государства. Как писал П. Бурдьё, именно оно «присваивает агентам гарантированную идентичность, гражданское состояние и, главное, социально признанные, а значит, продуктивные компетенции (или возможности) путем распределения прав на их использование — званий (учебных, профессиональных), свидетельств (о профпригодности, инвалидности, болезни); а также санкционирует все процессы, связанные с получением, увеличением, передачей или лишением этих прав»¹⁰.

С ростом количества и сложности подуниверсумов они становятся все более недоступными для «непосвященных», что создает проблемы легитимации. Последняя дает каждому человеку знание того, чем являются те или иные вещи (когнитивный элемент), и почему он должен поступать так, а не иначе (нормативный элемент).

Процесс легитимации имеет несколько уровней легитимации. Первый — дотеоретический уровень, на котором происходит передача лингвистических объективаций человеческого опыта в языке и с помощью языка. На втором уровне в зачаточной форме содержатся теоретические предположения и различные объяснительные схемы, складывающиеся в системы объективных значений. Это пословицы, моральные максимы, сказки, легенды и т. д. Третий уровень включает явные теории, посредством которых институциональный сектор легитимируется в терминах дифференцированной системы

⁷ Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. М.: СПб., 2005. С. 83.

⁸ Там же. С. 83.

⁹ Там же. С. 98.

¹⁰ Там же. С. 104.

знания. Четвертый уровень – появление символических универсумов, которые интегрируют самые различные области значений, все секторы институционального порядка и многочисленные реальности, отличные от «реальности повседневной жизни».

Таким образом, символический универсум языка, который П. Бергер и Т. Лукман определяют как «матрицу всех социально объективированных и субъективно реальных значений»¹¹, обеспечивает интеграцию процессов хабитуализации, институализации и легитимации. «Номическая» функция символического универсума заключается в том, что все в жизни человека расставляется по своим местам, упорядочивается и приобретает смысл в терминах не только индивидуальной биографии, но и космического порядка. Конструктивная же функция языка как деятельности проявляется в рождении и «сопровождении» неязыковых символических миров.

Практическое занятие 1 **Язык как деятельность**

Цель – сформировать представления о философских концепциях, исследующих язык как деятельность.

Форма проведения – обсуждение докладов по темам.

Темы докладов

1. Теория «языковых игр» Л. Витгенштейна.
2. Теория речевых действий Дж. Остина.
3. Юридический язык как вид социальной практики в работе П. Бурдьё «Социальное пространство: поля и практики».

Литература

1. Назарчук, А.В. Теория коммуникации в современной философии / А.В. Назарчук. – М. : Прогресс-Традиция, 2009. – С. 167–220.
2. Остин, Дж. Как совершать действия при помощи слов / Дж. Остин // Избранное. – М. : Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 13–135 [Электронный ресурс]. – URL : <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000713> (дата обращения 08.06.2016).

¹¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат о социологии знания. М., 1995. С. 158.

3. Витгенштейн, Л. *Философские работы* / Л. Витгенштейн. — М. : Гнозис, 1994. — Ч. 1. — 612 с.
4. Бурдые, П. *Социальное пространство: поля и практики* / П. Бурдые. — СПб. : Алетейя, 2005. — С. 75–128.
5. Сокулер, З.А. *Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX века : курс лекций* / З.А. Сокулер. — Долгопрудный : Алетро-Пресс, 1994. — 170 с.

Вопросы для самопроверки

1. В чем состоит суть «лингвистического поворота»? Какое влияние он оказал на появление теорий, исследующих язык в деятельностном аспекте?
2. Сделайте сравнительный анализ подходов к исследованию языковой деятельности: 1) язык как информационная деятельность и 2) язык как конструктивная деятельность.

Тема 2. Язык как форма репрезентации человека в мире

Вопросы для самостоятельного изучения

1. Основные подходы к исследованию проблемы репрезентативности языка.
2. Семантическое устройство жизненного мира.
3. Проявления языковой репрезентативности в праве.

Изучив данную тему, студент должен знать:

- историко-культурные и общенаучные предпосылки изучения языка как формы репрезентации человека в мире;
- различия между классическим и неклассическим пониманием языковой репрезентативности;
- определения понятий «репрезентация», «символическая форма», «жизненный мир»;
- основные положения языковых концепций Э. Кассирера, Н. Лумана, П. Бурдые, Р. Барта, Л.С. Выготского;

уметь:

- проводить сравнительно-исторический анализ концепций языковой репрезентативности;
- использовать философские положения о языке как форме репрезентации для постановки и решения научных и профессиональных задач лингвокриминалиста;

владеть навыками:

- применения философских концептов «язык как символическая форма», «языковая картина мира», «символическая генерализация», «коннотации юридического языка» к анализу конкретных языковых явлений;
- поиска библиографии и подготовки реферативного исследования по заданной теме;
- обсуждения проблемных аспектов изучения языка как формы репрезентации человека в мире.

Алгоритм освоения темы

1. Прочитать главу I § 1.3 учебного пособия С.А. Песиной «Философия языка»¹², главу I учебного пособия П.Н. Барышникова¹³.
2. Закрепить учебный материал с помощью теоретических и методических рекомендаций.
3. Подготовить ответы на учебные вопросы практического занятия.
4. Проверить полученные знания с помощью вопросов для самопроверки.

Теоретические и методические рекомендации по изучению темы

Прежде чем перейти к освоению учебного материала, необходимо уточнить содержание понятия репрезентации и варианты его толкования в философии и теории языка. В классической теории языка репрезентация понимается как представление познаваемого явления с помощью языковых систем. Естественные и искусственные языки — это главные посредники, репрезентанты. Возможность

¹² Песина С.А. Философия языка [Электронный ресурс]. М., 2014. С. 21–26.

¹³ Барышников П.Н. Философия для лингвистов. Язык, сознание, реальность: горизонты смысла. М., 2013. С. 10–63.

и необходимость репрезентации выражает модельный характер познавательной деятельности, при этом в качестве репрезентанта-посредника может выступить любая вещь, любой знак, символ и т. п. Обратим внимание, что в этом значении понятие репрезентации фактически совпадает с понятием презентации.

В неклассическом понимании репрезентация — это опосредованное концептуальными схемами познающего субъекта, «вторичное» представление первообраза и образа, идеальных и материальных объектов, их свойств, отношений и процессов. В основе этого понимания лежит представление о том, что «роль языка ... состоит не только в передаче сообщения, но в первую очередь во внутренней организации того, что подлежит обобщению. Возникает как бы «пространство значений» (в терминологии А.Н. Леонтьева), т. е. закрепленные в языке знания о мире, куда вплетается национально-культурный опыт конкретной языковой общности. Формируется мир говорящих на данном языке, т. е. языковая картина мира как совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике»¹⁴. Поэтому языковая репрезентация, в отличие от презентации, это всегда превращенное или «приблизительное» замещение знаком некоего предмета.

В истории философии и теории языка сложились несколько подходов к объяснению природы репрезентативной функции языка.

1. Гносеологический подход

Суть гносеологического подхода состоит в том, что язык определяется фундаментальным условием процесса познания. Обратимся к философии языка Эрнста Кассирера, чтобы понять достаточно сложную аргументацию этого подхода. Как известно, философ называл человека *homo symbolicus*, имея в виду, что смысл его деятельности заключается в том, чтобы наделять значениями все познавательные действия, т. е. «переливать предметы в значения»¹⁵. Но «чистые» значения предметов человеку не доступны (вспомним кантовскую «вещь-в-себе»), так как их первичные чувственные образы в результате мыслительных операций

¹⁴ Песина С.А. Философия языка [Электронный ресурс]. М., 2014. С. 22.

¹⁵ Назарчук А.В. Теория коммуникации в современной философии. М., 2009. С. 170.

превращаются в представления, образы-цели, символические образы, «отягощенные» знанием и опытом как предшествующих поколений, так и своим собственным.

Как писал Э. Кассирер, «слово — это не отражение предмета как такового, а демонстрация образа, произведенного в душе предметом»¹⁶. Поэтому в процессе познания язык устанавливает символическую связь между человеком и миром, определяет границы того и другого.

2. Историко-культурологический подход

Содержание историко-культурологического подхода формировалось несколько столетий на основе исследований археологов, этнологов, палеолингвистов. Основная идея этого подхода состоит в том, что в процессах номинации, начиная с первых протослов, артикуляций первых осмысленных жестов, ритуалов, мифов, кончая такими символическими формами, как право, политика, искусство, наука, ключевую роль играет не «наклеивание» ярлыков на предметы с целью их замещения абстрактными значениями, а порождаемые грамматические структуры. В них выражаются принципы устройства мира (точнее, то, как они предстают в сознании человека) и переходы от линейности к дискретности, от процесса к явлению, от целостности к раздробленности, от неопределенности к определенности и т. п.

С примерами, демонстрирующими различные способы репрезентации человека в мире с помощью языковых структур, можно познакомиться в учебном пособии П.Н. Барышникова «Философия для лингвистов» (с. 10–63). Приведем только один из них, иллюстрирующий причины отличия языка индейцев Северной Америки от европейских языков. Как пишет П.Н. Барышников, первородная связь человека и природы выражается в том, что «даже в современном варианте индейских языков нет разделения на отдельные явления природы (к примеру, в языке племенной группы кечуа нет понятий «дождь», «снег», «жара», означающих некомфортные погодные условия; если переводить дословно, то они обозначают состояние природы через выражение «не тот день для совершения

¹⁶ Кассирер Э. Философия символических форм. СПб., 2001. Т. 1. С. 226.

чего-либо»)¹⁷. Отсутствие потребности выделять из потока чувств некоторые устойчивые элементы, чтобы затем сосредоточить на них внимание, стало причиной отсутствия родовых категориальных понятий. Например, в современном языке индейцев сиу нет обобщающего слова «рыба». Существуют слова, эквивалентные названиям отдельных видов рыб, но анализ этнологии и космогонических мифов древних индейцев показывает, что эти слова возникли вовсе не для обозначения рыб. Именно поэтому современные индейцы чаще всего используют английское слово «fish»¹⁸.

3. Психологический подход

В психологическом подходе выделяются два вида языковой репрезентации:

- 1) репрезентация как диалектика внутренней и внешней речи;
- 2) репрезентация как перенос значений понятий.

В первом случае репрезентация обусловлена потребностью человека в построении суждений в полном соответствии с заданной коммуникативной задачей. Внутренняя и внешняя речи в равной степени направлены на ее решение. При этом во внутренней речи представления о предметах, их связях и отношениях преобразуются с помощью предметно-изобразительного кода, а во внешней – с помощью речедвигательного кода. В результате этих преобразований в содержании суждений учитываются явные и неявные контексты коммуникативной ситуации. Собственно, в этом многоаспектном «учете» смыслов, возможном благодаря единству внутренней и внешней речи, и проявляется репрезентативная функция языка.

Языковая репрезентация второго вида обнаруживается во всех формах словообразования. Как утверждают психологи, процесс словообразования обычно не рефлексивируется и становится «заметным», когда в слове/выражении объективируется новое значение. Появление последнего возможно, по крайней мере, в трех случаях:

- 1) при резком расширении границ познания, когда имеющихся языковых средств становится недостаточно для обозначения новых представлений. Тогда это «новое нечто» фиксируется по анало-

¹⁷ Барышников П.Н. Философия для лингвистов. Язык, сознание, реальность: горизонты смысла. М., 2013. С. 21.

¹⁸ Там же. С. 21.

гии, метафорически или с помощью произвольно взятых фонем (кварки, бозон, хроном и т. п.);

- 2) при быстром расширении кругозора, когда приобретенные сведения не успевают полно и глубоко освоиться;
- 3) в детском возрасте (4–6 лет), когда освоение словарного запаса опережает их понятийное освоение.

Во всех перечисленных случаях репрезентация проявляется как перенос значений понятий известных знакомых предметов на новые, неосвоенные предметы или целые предметные области.

Обратимся к прикладному аспекту языковой репрезентации – рассмотрим такое языковое явление, как коннотации правовых суждений. Очевидно, что, как и любые другие высказывания, правовые суждения представляют право как коммуникативную систему, которая устанавливает соответствие содержания правовых суждений с предшествующими, последующими или внеположенными контекстами. Последние, в свою очередь, формируют множество коннотативных означаемых или, в терминологии Р. Барта, коннотаций. Под коннотацией принято понимать любую дополнительную информацию, возникающую в коммуникативной практике и имеющую такие компоненты, как стилистическое значение, эмоционально-экспрессивные наслоения, прагматическое содержание и семантическую окраску¹⁹, т. е. все то, что имплицитно определяет направление толкования конкретного текста.

Для классической лингвистики характерно представление о том, что денотация и коннотация являются равноценными, но разнонаправленными способами языковой деятельности. Иная трактовка отношения между денотацией и коннотацией сложилась в неклассической и постнеклассической лингвистике и философии языка. В частности, Р. Барт утверждал, что денотация, в силу того, что она является основанием самой себя и сама себя определяет как единственно возможную фиксацию предмета, обеспечивает классическому тексту привилегию безгрешности. На самом же деле денотативный смысл отнюдь не первичен. Он только «прикидывается

¹⁹ Сторожева Е.М. Коннотация и ее структура // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 13. С.117.

такowym; под воздействием такой иллюзии денотация на поверку оказывается лишь последней из коннотаций...»²⁰.

Существует немало примеров отдельных правовых высказываний и текстов законодательных актов, толкование которых предполагает учет коннотаций. В частности, Конституция РФ в целом и отдельные ее статьи содержат понятия и выражения с неявными денотатами («утверждает мир и согласие», «возродить суверенную государственность»)²¹, смежные нормативные требования с несовместимыми целями (например, в ч. 1 ст. 9 утверждается приоритетность общенародной собственности на природные ресурсы, в ч. 2 возможность их приватизации), нарушения смысловой последовательности (например, гарантируется защита прав национальных меньшинств, а права национального большинства не утверждаются, но и не отрицаются)²² и т. д.

Возникает вопрос, можно ли рассчитывать на юридическую технику, если она оставляет значительный диапазон интерпретаций юридических текстов и семантических «входов»? Как показывают примеры правовых коннотаций, формально-логическая строгость правовых суждений и процедуры юридического толкования не гарантируют достижения однозначности денотационных значений. При этом «входы могут быть фиктивными, призванными скрыть доступ к определенным смысловым пластам»²³. В частности, коннотативные отсылки Конституции РФ указывают на юридические тексты, повлиявшие на формирование Основного Закона, на внутривнутриполитический конфликт 1993 года, вошедший в историю под названием «Расстрел Белого дома», на массовое игнорирование референдума об ее принятии, на сложившуюся в России нигилистическую традицию отношения к конституционализму и парламентаризму и т. д.

Думается, что подобного рода примеры послужат дополнительным аргументом для опровержения веры в «безупречность»

²⁰ Барт Р. S/Z. Пер. с фр. Г.К. Косикова, В.П. Мурат. М., 1994. С. 19.

²¹ Андрианов Н.В. Конституция в свете коннотации // Государство и право. 2014. № 1. С. 19.

²² Там же. С. 23.

²³ Там же. С. 20.

нормативных актов. Несмотря на то что в ходе становления юриспруденции, практики законодательства и правоприменения сформировались каноны юридических текстов, которые в полной мере соответствуют классическим требованиям логики, лингвистики и юридического толкования. Однако стремление следовать этим канонам, гарантирующее целостность структуры юридического текста и достижение однозначности денотативных означаемых, не всегда удается реализовать с помощью процедур юридической техники.

Практическое занятие 2

Язык как форма репрезентации человека в мире

Цель – сформировать представления о философских концепциях, исследующих язык как форму репрезентации человека в мире.

Форма проведения – собеседование по учебным вопросам.

Учебные вопросы

1. Язык как символическая форма в философии языка Э. Кассирера.
2. Язык как символическая генерализация в учении об обществе Н. Лумана.
3. Язык политических мифов в работах Э. Кассирера и К. Хюбнера.
4. Проблема правовых суждений в свете семиотики Р. Барта. Коннотации в юридическом языке.

Литература

1. Андрианов, Н.В. Конституция в свете коннотаций / Н.В. Андрианов // Государство и право. – 2014. – № 1. – С. 17–24.
2. Андрианов, Н.В. Семиотический подход в сравнительно-правовых исследованиях / Н.В. Андрианов // Правоведение. – 2012. – № 6. – С. 119–136.
3. Барт, Р. S/Z / Р. Барт. – М. : РИК Культура : Ad Marginem, 1994. – С. 11–34.
4. Кассирер, Э. Техника современных политических мифов / Э. Кассирер // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. – 1990. – № 2. – С. 58–65 [Электронный ресурс]. – URL : <http://read.virmk.ru/k/Kassirer.htm> (Дата обращения: 10.06.2016).
5. Луман, Н. Власть / Н. Луман. – М. : Праксис, 2001. – С. 6–15, 55–59.

6. Луман, Н. Медиакоммуникации / Н. Луман. – М. : Логос, 2005 – С. 26–245.
7. Назарчук, А.В. Теория коммуникации в современной философии / А.В. Назарчук. – М. : Прогресс-Традиция, 2009. – С. 110–146, 167–174.
8. Песина, С.А. Философия языка : учебное пособие / С.А. Песина. – М. : Флинта, 2014. – С. 21–26.
9. Ревзина, О.Г. О понятии коннотации / О.Г. Ревзина // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве : сборник научных статей к 80-летию профессора Клавдии Васильевны Горшковой. – М. : Изд-во МГУ, 2001. – С. 436–446.
10. Свасьян, К.А. Философия символических форм Э. Кассирера / К.А. Свасьян [Электронный ресурс]. – URL : http://www.gramotey.com/?open_file=1269069144 (дата обращения: 10.06.2016).
11. Хюбнер, К. Миф в современной политике / К. Хюбнер // Истина мифа. – М. : Республика, 1996. – С. 325–342.
12. Шепелёв, А.Н. Кому предназначены письменные формулировки закона? / А.Н. Шепелёв // Правоведение. – 2012. – № 3. – С. 74–81.
13. Шульц, В.Л. «Деревянный язык» как зеркало революции / В.Л. Шульц, Т.М. Любимова // Социологические исследования. – 2015. – № 7. – С. 136–145.

Вопросы для самопроверки

1. Что такое репрезентация? Сделайте сравнительный анализ классического и неклассического подходов к определению языковой репрезентации.
2. Объясните природу языковой репрезентации с позиции гносеологического, историко-культурного и психологического подходов.
3. Как проявляется репрезентативная функция языка в порождении и воспроизводстве политических мифов?
4. Какие механизмы превращенного замещения (репрезентации) предметов языковыми явлениями представлены в философии символических форм Э. Кассирера?
5. Какие механизмы превращенного замещения (репрезентации) предметов языковыми явлениями представлены в теории символических генерализаций Н. Лумана?

6. Какие новые аспекты изучения юридического языка открывает семиотический подход Р. Барта?

Тема 3. Язык как форма смыслообразования

Вопросы для самостоятельного изучения

1. Развитие представлений о понятиях «смысл» и «значение» в лингвистике и философии языка.
2. Процесс смыслообразования в феноменологии Э. Гуссерля и теории коммуникации Н. Лумана.
3. Проблема поиска референта.
4. Метафора как средство смыслообразования.

Изучив данную тему, студент должен знать:

- историко-культурные и общенаучные предпосылки изучения языка как формы смыслообразования;
- определения понятий «смысл», «значение», «треугольник Огдена – Ричардса», «дискурс», «интенциональность», «феноменологическая редукция»;
- основные положения языковых концепций Э. Гуссерля, Н. Лумана, П. Рикёра, Л. Витгенштейна, Г. Фреге, Б. Рассела;
- основания и основные направления решения проблемы поиска референта;

уметь:

- проводить сравнительно-исторический анализ концепций языкового смыслообразования;
- использовать философские положения о языке как смыслообразования для постановки и решения научных и профессиональных задач лингвокриминалиста;

владеть навыками:

- применения философских концептов «смыслообразование», «языковая картина мира», «метафоризация», «символическая генерализация» к анализу конкретных языковых явлений;
- поиска библиографии и подготовки реферативного исследования по заданной теме;
- обсуждения проблемных аспектов изучения языка как формы смыслообразования.

Алгоритм освоения темы

1. Прочитать главу I § 1.3 учебного пособия С.А. Песиной «Философия языка»²⁴, главу V § 3 учебного пособия П.Н. Барышникова²⁵.
2. Закрепить учебный материал с помощью теоретических и методических рекомендаций.
3. Подготовить доклад (тема по выбору) к практическому занятию.
4. Проверить полученные знания с помощью вопросов для самопроверки.

Теоретические и методические рекомендации по изучению темы

Изучение процесса смыслообразования предполагает однозначность трактовки понятия смысла. Однако из-за отсутствия четких семантических границ между понятиями «смысл» и «значение» ожидаемой определенности нет ни в лингвистике, ни в философии языка. На сегодняшний день принято считать, что значение – это понятие лексическое. Лексико-семантическая структура значения включает предметное значение, в котором отражается знание о реальности в той степени полноты, насколько это доступно обществу и конкретному человеку на определенном этапе его развития. На него наслаиваются контекстуальный и личностный смыслы, включая эмоционально-экспрессивные, стилистические и культурно-обусловленные оттенки значения.

В отличие от значения, смысл – это содержание, не связанное лишь с одной формой или системой форм данного языка. Смысл опирается не только на языковые формы, но и на экстралингвистические факторы. Смысл – во многом не столько семантическая, сколько прагматическая категория, поскольку связан с обстоятельствами использования выражения. В этом плане понятие смысла приобретает более общий характер: смысл не только мысль, воплощенная в словесном знаке, но и ценность, значимость, выявленная в процессе использования знака.

²⁴ Песина С.А. Философия языка [Электронный ресурс]. М., 2014. С. 59–118.

²⁵ Барышников П.Н. Философия для лингвистов. Язык, сознание, реальность: горизонты смысла. М., 2013. С. 271–283.

В психолингвистике смысл слова представляет собой совокупность всех психологических факторов, возникающих в нашем сознании благодаря слову. Смысл слова оказывается всегда динамичным, текучим, сложным образованием. Значение, напротив, есть тот неподвижный и неизменный пункт, который остается устойчивым при всех изменениях смысла слова в различном контексте. Действительный смысл слова определяется в конечном итоге всем богатством существующих в сознании моментов, содержащихся в том или ином концепте и соотносящихся с тем или иным словом. Смысл слова никогда не является полным.

Смысл занимает промежуточное положение между представлением и значением. При этом представление понимается как нечто субъективное (образ индивидуального сознания), тогда как смысл носит интересубъективный характер, хотя это еще и не сам предмет, не референт высказывания, каковым является значение. Говорить об истинности или ложности можно только по отношению к таким высказываниям, которые имеют значение или референт. Смысл является категорией сугубо личностной и ситуативной, а из уникальности смысла как продукта индивидуального мышления вытекает и многообразие значений.

Как почти у всякой фундаментальной философской проблемы, истоки проблемы установления различия между значением и смыслом могут быть прослежены вплоть до Платона и Библии. Заметим, что современные дискуссии по поводу этой проблемы существенно отличаются от античных, так как для античных, и особенно, для средневековых авторов она представлялась в виде вопроса о соотношении имени и предмета, а также о возможных посредниках между ними. Современная тематизация смысла началась в XIX веке, когда сформировались аналитическая философия и экспериментальная психология. Так, в аналитической философии смысл считается общезначимым ментальным содержанием знаков языка, которые некоторым образом относятся к наблюдаемой реальности. И напротив, необщезначимые и не связанные с чувственными данными психические содержания являются бессмысленными или неразрешимыми. Заметим, что такая трактовка устанавливает если не тождество, то подобие между смыслом и значением.

Проанализировав причины порождения бессмысленных выражений, представитель аналитической философии Б. Рассел пришел к выводу, что противоположность истинных и ложных предложений зависит от значительно более основательной дихотомии осмысленных и бессмысленных предложений. Развивая эту мысль, Л. Витгенштейн в «Логико-философском трактате» приходит к заключению, что устремления науки направлены на выявление таких предложений, которые являются истинными, в то время как задача философии — логическое прояснение мыслей. Представляя язык как картину мира, Витгенштейн утверждал, что мир познаваем только потому, что язык своей логической структурой отражает структуру мира. Предложение несет в себе смысл, если оно является либо истинным, либо ложным. А таковым оно может быть в том случае, если его элементарные части будут соответствовать атомарным фактам мира.

Заметим, что у позднего Л. Витгенштейна периода «лингвистической философии» представление о смысле корректируется: концепция языка как картины мира уступает концепции языка как средства, инструмента членения и осмысления мира. Человек, согласно «позднему» Витгенштейну, в повседневной практике пользуется «языковыми играми». И как всякие игры, они имеют свои правила, согласно которым носитель языка употребляет те или иные языковые выражения. То есть употребление и определяет осмысленность языкового выражения. При этом каждое высказывание должно иметь свою антитезу. Слова употребляются бессмысленно, если они употребляются без этого антитезиса, без контраста.

Признаки перехода от «жесткого» рационализма аналитической философии к неклассическому рационализму обнаруживаются в концепции смысла Г. Фреге. В частности, он устанавливает, что языковые знаки не только указывают на предметы, но одновременно включают в себя и «способ данности» обозначаемых предметов или то, как они существуют. Он приходит к выводу, что помимо значения языковых знаков, т. е. отнесенности к предмету, имеет место и смысловая отнесенность или интенциональность (более поздний термин Р. Карнапа). Благодаря Фреге, интенциональность выражений в семантике была понята уже не как индивидуальная внутрипсихическая сущность, но как интересубъективная абстрактная пред-

метность, которая доступна ясной дефиниции. Заметим, что Фреге не отрицал индивидуальное психическое состояние как условие интенциональности, но считал, что оно играет некоторую роль лишь в процессе интерпретации конкретных выражений.

Г. Фреге обратил внимание на то, что у имен порой отсутствует смысл, а есть только значение. На деле открытая «утрата смысла» означала обнаружение новой проблемы культурной динамики смысла. Было выяснено, что изначально имена обладали смыслом в силу магических функций, выполняемых языком. Как только смысл имени был избавлен от предметности и обрел полную прозрачность, он был заменен механическим «значением», стал рассматриваться как неизменное и общее (вспомним, например, что «исконно русское» имя «Иван», производное от библейского «Иоанн», на древнееврейском языке означает «Бог даровал»).

Далее было выявлено, что не только имена собственные, но и любые слова испытывают дефицит однозначного смысла, ибо денотат всегда окружен облаком коннотаций, а эмпирический критерий демаркации денотата и коннотата невозможно окончательным образом обосновать. Знаменитый аргумент У. Куайна против однозначной определенности смысла вытекает из гипотезы лингвистической относительности и той недодетерминированности понятия эмпирическими индексными выражениями, которая обнаруживается при исследовании синонимии терминов и предложений. Впоследствии это явление получило название «проблема поиска референта». Одновременно были поставлены границы «чисто научному» обсуждению проблемы смысла, принципиальная неразрешимость которой в очередной раз обнаружила ее фундаментальный философский характер.

Смысл в феноменологии и герменевтике рассматривается как основной языковой феномен. Как известно, феноменология в значительной мере восприняла программу нововременного рационализма. Ранний Э. Гуссерль (родоначальник феноменологии) был убежден, что фундамент сознания состоит в конституировании смысла. Восприятие оказывается вторично по отношению к смыслополаганию, поскольку предмет воспринимается только как уже осмысленное целое (это положение немедленно использовали сторонники гештальтпсихологии). В акте конституирования наряду со смыслом

субъект полагает и всю совокупность своих смысловых связей, относящихся к его актуальному и потенциальному опыту, т. е. полагает горизонт. По Гуссерлю, смысл, или ноэма, характеризуется идеальностью и объективностью, что отличает его от конкретного ментального события, т. е. от акта означивания, полагания смысла или ноэзиса.

Еще до формирования гуссерлевского учения важнейшей программой исследования смысла была герменевтика. В дальнейшем она частично слилась с феноменологическим движением. В современных версиях герменевтики имеется два подхода к решению проблем разворачивания смысла и редукции смысла. Сторонником первого — общефилософского — является Х.-Г. Гадамер, опирающийся на М. Хайдеггера, Э. Гуссерля, В. Дильтея и Ф. Шлейермахера. Второй — специально-научный — представлен литературоведами, правоведами, психологами, этнографами, которые исходят из семиотической и лингвистико-аналитической традиции. Так, его представители Э. Бетти и Э. Хирш противопоставили философской герменевтике Х.-Г. Гадамера герменевтический подход, общий с библейской экзегетикой, юридической и филологической интерпретацией текстов. В то время как задача специальных герменевтических теорий формулируется как методологические правила реконструкции и понимания авторского смысла текста, целью философской герменевтики является анализ языкового опыта как особой формы человеческого отношения к миру.

Плодотворным синтезом того и другого следует считать философию права П. Рикёра. По мнению философа, право — это то, что обуславливает сущность и содержание юридического дискурса (нахождение права путем высказывания). В манере вопрошания, свойственной герменевтике, П. Рикёр стремится уяснить смысл высказывания «Что значит быть субъектом права?», конкретизируемого постановкой вопросов: «Что значит иметь права?» и «Что значит быть подсудным?», суммируемых в идентификационном вопросе: «Кто является субъектом права?».

Философ определяет четыре разновидности субъекта: субъект языка, субъект действия, субъект высказывания, субъект ответственности. Первый тип правового субъекта — субъект речи или высказываний реализуется посредством множества разных высказываний.

Второй тип субъекта определяется через совокупность поступков, действий, в которых он отдает себе отчет. Третья разновидность субъекта относится к тому, кто является автором своей жизни. Четвертый субъект не только вменяем относительно своих речей и поступков, но и несет ответственность за последствия своих действий.

П. Рикёр показывает, что институциональные отношения с другими возникают не только на уровне субъекта ответственности, но уже на уровне субъекта речи. Языковая практика не сводится к беседе, к обмену информацией. Она связана с лингвистической системой, имеющей институциональный характер, и опосредована ею. Субъект, идентифицирующий себя с определенной лингвистической системой, заявляет о своих притязаниях на право говорить и писать на своем языке (в общении, в публикациях, в образовательных учреждениях, в официальных документах). Субъект действия есть всегда одна из сторон действия как взаимодействия. В обществе можно действовать всегда только совместно с кем-то или против кого-то. Такое взаимодействие может быть опосредовано институциональными связями. Посредством институтов (семья, трудовой коллектив, гражданское общество, политические институты) реализуется сложная система взаимных признаний субъектов действия. Далее, рассматривая субъект рассказа, мы обнаруживаем новый порядок признания — историю. История каждого человека есть часть более общей истории, которой мы все принадлежим. История каждого человека переплетается с историями других людей. Поэтому история является посредующим нарративным институтом.

Согласно П. Рикёру, суд является регулирующей формой конфликта, его назначение состоит в замене насилия языковым дискурсом. В этом и получает свое раскрытие сущность заглавия труда П. Рикёра: «Торжество языка над насилием». Принимая во внимание то обстоятельство, что западным юристам предоставлены большие полномочия в деле толкования юридических норм, сформулированных законодателем, мысли П. Рикёра, как и вся философская герменевтика, приобретают все большее значение во всей системе права.

Следует обратить внимание на то, что феноменологическое и герменевтическое истолкование понятия смысла порывает с традицией отождествления стандартных коммуникативных ситуаций

с ситуациями понимания. Стандартные ситуации характеризуются не тем, что в них смысл общезначим, а тем, что в них смысла нет, поскольку в ситуациях употребления языка нет понимания: вопросы и ответы собеседников автоматизированы, и никто не задумывается о смысле слов. Другими словами, стандартное употребление слов не только не производит смысл, но исключает его подобно тому, как нельзя забивать гвоздь, думая о свойствах молотка. Когда люди говорят, что они понимают смысл высказывания, они имеют в виду некоторый тривиальный пласт значения, достаточный для стандартных ситуаций поведения и общения.

И напротив, ситуация понимания возникает в результате вопроса о смысле знакомых слов, действий и явлений. Нестандартные ситуации деятельности и коммуникации, требующие поисково-исследовательской активности в условиях многообразного и меняющегося окружения, инициируют смысловое моделирование, построение идеального плана, мысленный эксперимент. В них обнаруживаются уникальность и функциональная изменчивость сознания, обусловленные конкретной культурной и экзистенциальной ситуацией субъекта. Здесь и выясняется, что смысл не дан изначально, но и не задан однозначно, а задается всякий раз заново. Осмысленно только то, что осмыслено по-новому; восприятие смысла – всегда творчество, смыслообразование есть иносказание.

Рассмотрим «жестко социологический» вариант описания процесса смыслообразования, предложенный Никласом Луманом. Будучи сторонником системного подхода, он связывает феномен смысла с «природой» социальных систем²⁶. Каждая из них, как и общество в целом, аутопойэтична, то есть самотождественна и самовоспроизводима. «Катализаторами» аутопойезиса социальных систем являются символические генерализации, которые помогают справляться социальным системам с обработкой информации большой степени сложности. Язык – основная символическая генерализация, которая оперирует знаками, принимает сообщаемое и подвергает его селекции с помощью кода «да/нет». Смысл – это такое означаемое, которое выполняет функцию установления раз-

²⁶ Луман Н. Общество как социальная система. М., 2004. С. 45–59.

личий между полярными измерениями информации о социальной системе, а именно:

- 1) различия между самой системой и окружающим миром;
- 2) различия между внутренним и внешним наблюдателем социальной системы;
- 3) временное различие между прошлым, настоящим и будущим.

Накопление социальной системой этих различий — это и есть процесс смыслообразования. Он начинается с накопления знаний, затем их избыточность позволяет перейти от неопределенных, случайных информационных связей к целеполаганию. В результате процесс смыслообразования становится «гарантом» устойчивости социальной системы, ее своеобразной «иммунной системой». Современные массмедиа, паблик рилейшинз, политика и право активно включены в процесс смыслообразования, предлагая обывателям мифологизированные национальные идеи, интернет-мемы и т. п. Несмотря на то что результат смыслообразования, созданный средствами социальной инженерии, не нуждается в рефлексии, он (такой смысл) всегда актуален, а это значит, что он все-таки «маркирован» сознанием. В мире, сконструированном информацией и социальными технологиями, даже бессмыслица имеет смысл, так как смысловое оперирование допускает и производство исключения самого себя²⁷.

Интересно то, что в 30–50-х гг. XX века представители исследовательской программы аналитической философии обнаружили проблему «поиска референта», которая не была учтена Н. Луманом, не допускающим «сбои» в процессе смыслообразования. Рассмотрим эту проблему, опираясь на мнемоническую схему, получившую название «Семантический треугольник Огдена — Ричардса» (рис. 2).

Вершины этого треугольника — это факторы процесса означивания (или символизации), а стороны — отношения между ними. Так как целью символизации является воздействие символа на собеседника, то мысль (значение) и символ (знак), а также мысль (значение) и референт (денотат) связаны причинным отношением. Символ же и референт связаны мнимым отношением приписывания символа референту. Х. Патнэм и С. Кирке истолковывали эти отношения как от-

²⁷ Луман Н. Общество как социальная система. М., 2004. С. 49.

ношения интерпретации. Отсутствие непосредственной связи между ними, по мнению представителей аналитической философии, и является источником множества заблуждений и бессмыслицы, воспроизводимых с помощью естественного языка. Как следствие:

- 1) невозможно точно проверить предложения о прошлом и будущем;
- 2) референт предстает не как объект, а как модификатор органов чувств, поэтому к нему сложно подобрать «правильный», релевантный символ;
- 3) наряду с языками, точно фиксирующими референты, существуют эмотивные языки с метафизическими суждениями.

Рис. 2

Несмотря на то что правовые суждения регламентируются юридической техникой, а также действует презумпция о том, что законодатель мыслит последовательно и не впадает в противоречие с самим собой, для юридического языка весьма актуальна проблема поиска референта. В работе А.Ф. Черданцева «Основные характеристики норм права»²⁸ приводится немало примеров правовых норм, содержащих бессмыслицы (или отсутствие денотата):

- в ст. 86 УК РФ перечисляются лица, имеющие судимость, которые признаются «не имеющими судимость»;
- ст. 27 Семейного кодекса РФ содержит норму, по которой «брак признается недействительным и считается таковым с момента его заключения»;

²⁸ Черданцев А.Ф. Основные характеристики норм права // Российский ежегодник теории права. 2009. № 2. СПб., 2011. С. 546–584.

- юридическое и астрономическое определения ночного времени не совпадают;
- использование в формулировках правовых норм оценочных понятий («существенная новизна», «лучшее исполнение определенной работы», «свобода усмотрения» и т. п.).

Для того чтобы язык выполнял функцию смыслообразования и выражал постоянные изменения многомерного мира, ему приходится «справляться» с проблемой «дефицита означаемых при избытке означающих» (К. Леви-Строс) и решать ее «подручными» средствами. Не случайно вслед за Кратилом и скептиками американский философ А. Кожибский утверждал, что «объективный» уровень действительности не может быть выражен словами; «мы должны указывать пальцем и молчать, иначе мы никогда не достигнем этого уровня»²⁹.

Практическое занятие 3 **Язык как форма смыслообразования и понимания**

Цель – сформировать представления о философских концепциях, исследующих язык как форму смыслообразования и понимания.

Форма проведения – обсуждение докладов по темам.

Темы докладов

1. Нарративная юриспруденция: экспозиция проблемного поля.
2. Герменевтическая методология в работе П. Рикера «Торжество языка над насилем».
3. Смысл и истина в правовом дискурсе.

Литература

1. Александров, А.С. Язык и судебная истина / А.С. Александров, И.А. Александрова // Юридическая лингвистика-9: Истина в языке и праве. – Кемерово : Барнаул : Изд-во Алтайского университета, 2008. – С. 36–73.
2. Барышников, П.Н. Философия для лингвистов. Язык, сознание, реальность: горизонты смысла : учебное пособие / П.Н. Барышников. – М. : Ленанд, 2013. – С. 271–283.

²⁹ Korzybski A. Science and Sanity. Lancaster, 1945. Цит. по: Богомолов А.С. Буржуазная философия США XX века. М., 1974. С. 229.

3. Кожемякин, Е.А. Юридический дискурс как культурный феномен: структура и смыслообразование / Е.А. Кожемякин // Материалы интернет-конференции «Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юри-дико-лингвистическая герменевтика». — Барнаул : Алтайский гос. университет, 2012 [Электронный ресурс]. — URL : http://konference.siberia-expert.com/index/kozhemjakin_2_stranica/0-8 (дата обращения: 16.07.2016.).
4. Кравиц, В. Нарративная юриспруденция или теория правовой коммуникации? Размышления о феноменологии повествования права / В. Кравиц // Правоведение. — 2012. — № 1. — С. 18–32.
5. Кузнецов, В.Г. Герменевтика и ее путь от конкретной методологии до философского направления / В.Г. Кузнецов // Философско-литературный журнал «Логос». — 1999. — № 10. — С. 43–88.
6. Луман, Н. Общество как социальная система / Н. Луман. — М. : Логос, 2004. — С. 45–59.
7. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. — М. : Гнозис, 2003. — 280 с.
8. Песина, С.А. Философия языка : учебное пособие / С.А. Песина. — М. : Флинта, 2014. — С. 59–118.
9. Рикёр, П. Торжество языка над насилием / П. Рикёр // Вопросы философии. — № 4. — 1996. — С. 27–36.
10. Самохина, Е.Г. Право и нарратив. Предисловие к лекции Дж. Элкинса «В чем суть нарративной юриспруденции?» / Е.Г. Самохина // Правоведение. — 2011. — № 6. — С. 183–186.
11. Честнов, И.Л. Критический дискурс-анализ как метод постклассической теории права / И.Л. Честнов. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». — 2014. — № 1 (13). — С. 67–74.
12. Элкинс, Дж.Р. В чем суть нарративной юриспруденции? / Дж.Р. Элкинс // Правоведение. — 2011. — № 6. — С. 194–207.

Вопросы для самопроверки

1. Выделите и охарактеризуйте основные этапы конституирования понятия смысла в философии языка.
2. Найдите по крайней мере пять оснований для установления различий между понятиями «смысл» и «значение».
3. Почему большинство представителей аналитической философии языка отождествляют понятия «смысл» и «значение»?
4. Что представляет собой процесс смыслообразования с точки зрения Э. Гуссерля?
5. Что представляет собой процесс смыслообразования с точки зрения Н. Лумана?
6. Какая из версий смыслообразования вам представляется наиболее убедительной и почему?
7. Как представлен язык как форма смыслообразования в нарративной юриспруденции и правовой герменевтике?
8. По каким основаниям различаются смысл и истина в судебной практике?

Раздел II. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОГРАММЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

Тема 4. Аналитическая философия: история и современность

Вопросы для самостоятельного изучения

1. Эволюция и основные характеристики аналитической философии.
2. Методологическая программа логического позитивизма.
3. Проблема языка в современных исследованиях аналитической юриспруденции.

Изучив данную тему, студент должен

знать:

- историко-культурные и общенаучные предпосылки возникновения аналитической философии;
- основные положения языковых концепций Г. Фреге, Б. Рассела, Л. Витгенштейна, Дж. Остина, Д. Дэвидсона, Г. Харта;
- основные этапы развития и представителей аналитической юриспруденции;

уметь:

- объяснять причины возникновения антиметафизической программы аналитической философии;
- проводить сравнительно-исторический анализ концепций языка аналитической философии и феноменологии;
- использовать теоретико-методологические положения аналитической философии для постановки и решения научных и профессиональных задач лингвокриминалиста;

владеть навыками:

- применения философских концептов «физикализм», «верификация», «протокольные предложения», «семантика условий истинности», «формальный язык», «естественный язык» к анализу конкретных языковых явлений;
- поиска библиографии и подготовки реферативного исследования по заданной теме;

- публичного выступления и обсуждения проблемных аспектов изучения языка аналитической философии и аналитической юриспруденции.

Алгоритм освоения темы

1. Прочитать главы II, III учебного пособия С.А. Песиной «Философия языка»¹.
2. Закрепить учебный материал с помощью теоретических и методических рекомендаций.
3. Подготовить ответы на учебные вопросы практического занятия.
4. Проверить полученные знания с помощью вопросов для самопроверки.

Теоретические и методические рекомендации по изучению темы

Второй раздел дисциплины «Философия языка» — «Теоретико-методологические программы современной философии языка» — достаточно сложен для изучения. Студентам предстоит не только существенно расширить знания в области современной философии языка, но и научиться анализировать и сравнивать различные методологические программы, сформировать навыки их применения в научно-исследовательской работе.

Аналитическая философия является одним из наиболее значительных направлений современной философии языка. Ее методологическая стратегия определяется требованием того, чтобы каждое выдвигаемое положение было строго обосновано с точки зрения ясности посылок, правомерности формулируемого вопроса, однозначности используемых терминов, логичности рассуждения, предпочтения доказательной аргументации идей перед их эмоциональным воздействием, соотношения посылок и выводов, осторожного отношения к широким философским обобщениям, абстракциям и спекулятивным рассуждениям.

Исследование эволюции лингвофилософской доктрины аналитической философской традиции показывает, что осмысление идеи языка ее представителями носило сложный, зачастую драма-

¹ Песина С.А. Философия языка [Электронный ресурс]. М., 2014. С. 51–118.

тический характер. Для классической парадигмы аналитической философии наиболее характерным было представление о том, что философия является деятельностью по анализу языка. При этом данная парадигма включала две программы: программу идеального языка и программу повседневного языка, которым соответствовали конкретные методы логического и лингвистического анализа. Центральное положение программы идеального языка, выдвинутое немецким математиком и логиком Г. Фреге, основывалось на противопоставлении поверхностной и глубинной грамматик языка. Поскольку поверхностная грамматика способствует появлению философских заблуждений, постольку он сделал вывод о необходимости замены естественного языка идеальным языком, то есть символизмом, приспособленным для дедуктивных рассуждений.

Благодаря Б. Расселу фрегевская идея логической грамматики превратилась в идею философской грамматики, которая, с одной стороны, имеет дело с формой предложения, а с другой — с его содержанием (в том случае, если предложение оказывалось истинным). Отыскивая предельные элементы реальности, философия, по Расселу, не отличается от науки, но она должна развивать интерес к языку с профилактической точки зрения, то есть предотвращать сомнительные онтологические выводы. А таковыми Б. Рассел считал любые метафизические положения, выходящие за пределы непосредственного знания-знакомства.

Если Рассел был основоположником «слабой» версии лингвистической доктрины, постольку отказывался отождествлять философию с анализом языка, то «сильная» версия лингвистической доктрины в аналитической философии была создана Л. Витгенштейном. Эта версия стала своеобразным ответом на проблемную ситуацию, порожденную концепцией знания-знакомства Б. Рассела. Для Витгенштейна эта дискуссия стала первым шагом к его собственной «картинной концепции» языка. Поскольку большинство ее тезисов применялись не только к идеальному, но и к естественному языку, постольку она распространялась и на мысли, а не только на язык. Следовательно, идеальный язык представляет собой не просто удобное приспособление для проведения дедуктивных рассуждений, а кодификацию концептуальной схемы познания.

Представители так называемого Венского кружка трансформировали «картинную концепцию» языка Л. Витгенштейна в верификационистскую теорию значения, а логические позитивисты сформулировали антиметафизическую доктрину. В соответствии с данной доктриной философские положения и теории отражают недоразумения и непонимания, возникающие из лингвистических трудностей. Единственно релевантным объявлялось только научное знание: или формальное (логическое, лингвистическое, математическое), или фактуальное (связанное с эмпирическими науками). А традиционное философское теоретизирование, по единодушному мнению логических позитивистов, подошло к концу как познавательное занятие.

Заметим, что поздний Л. Витгенштейн отказался от столь радикальных утверждений относительно языка философии на повседневный язык. Более того, он пришел к выводу, что только повседневный язык является жизнеспособным и практически уравнивал физикалистский язык с повседневным языком, объекты которого лишь в незначительной степени имеют дело с теоретической физикой.

В отличие от Л. Витгенштейна Р. Карнап увидел в физикалистском языке универсальный язык науки. Благодаря Карнапу исследования в области идеального языка начинают принимать вид формально-семантических и формально-прагматических исследований идеализированного языка. Подобные исследования, являясь вполне жизнеспособными при решении проблем логики, языкознания, компьютерных наук, с философской точки зрения представляются слишком абстрактными, поскольку сталкиваются с проблемой понимания. Кроме того, формулировка протокольных (базисных) предложений, с которыми имеет дело наука, оказалась оксюмороном, так как любые высказывания формального языка устанавливаются учеными, и ими же интерпретируются на некотором метаязыке. Так, поздний Л. Витгенштейн говорил о субъекте науки, которого не существует, и «логике языка», которая является не более чем условностью.

Во второй программе классической парадигмы аналитической философии проблема понимания увязывалась с идеей использования предложений в языковых играх. В основе данной программы лежало представление о повседневном языке во всем многообразии

его функций. Такой язык рассматривался как «обычный» и в смысле практики повседневного общения, и в смысле его связи с культурой, «обычаями» общества. Ярким примером реализации данной программы является концепция «языковых игр» Л. Витгенштейна, которая стала результатом существенных трансформаций его воззрений на природу языка.

В 50-е гг. XX века наблюдается закат программы классической аналитической философии и формирование парадигмы неонаналитической философии. Ключевая особенность этой парадигмы связана с отказом от антиметафизической доктрины классической аналитической философии и ограничения философской деятельности исключительно анализом языка. Вместе с тем данный процесс не означал завершения аналитической философии как таковой. Если представители классической парадигмы свою цель видели в создании жесткой концепции рациональности, призванной отделить одну часть языка (осмысленную) от другой части языка (бессмысленной), то аналитики, разработавшие неонаналитическую парадигму, стремились построить теорию, которая бы объясняла всю лингвистическую практику.

Ярким представителем неонаналитической философии является Дональд Дэвидсон, который пытался найти ответ на вопрос о том, каким образом значения предложений зависят от значений составляющих их слов. Он считал, что пока для некоторого языка не найден ответ на данный вопрос, нельзя объяснить и саму возможность обучения этому языку, поскольку владение языком связано с приобретением способности понимания и построения бесконечного множества предложений в результате освоения конечного словаря и конечного набора правил. В результате Д. Дэвидсон высказал предположение, что слова обладают значениями только в контексте всего языка. А язык является инструментом коммуникации благодаря возможности предложений быть истинными или ложными. Исследованием того, истинны ли те или иные конкретные предложения, занимаются различные науки, однако изучение условий истинности принадлежит семантике. Если мы хотим выявить наиболее общие особенности мира, то мы должны обратить внимание на то, что делает некоторое предложение языка истинным.

Уточним основные положения теоретико-методологической программы аналитической философии:

1) **принцип верификации** или разграничения утверждениями, имеющими смысл для науки и лишенными научного (логического) смысла. Например, предложение «Теперешний король Франции лыс» — грамматически правильно, но логически ошибочно, так как не имеет смысла.

Принцип верификации утверждает, что только то предложение имеет научный смысл, которое, хотя бы прямым или косвенным образом, допускает сведение к предложениям, обозначающим непосредственный чувственный опыт индивида, или протокольным предложениям ученого (фиксация опыта в предложении). Обратим внимание на некоторые тезисы этого принципа:

- а) критерий истинности предложения состоит в его проверке через опыт;
- б) опытная проверка заключается в сравнении предложения с непосредственно данным;
- в) проверяемость есть осмысленность, а совокупность операций проверки предложения составляет смысл этого предложения, т. е. истинность предложения тождественна его осмысленности — предложение осмысленно, если оно либо истинно, либо ложно, и лишено смысла, если не способно быть тем или другим;

2) **принцип конвенционализма** или признания в составе науки произвольных соглашений (конвенций), действующих, по крайней мере, в виде исходных положений логической структуры наук. Этот принцип был сформирован как реакция на метафизические и нематериалистические решения вопросов о происхождении исходных понятий и принципов наук. Таким образом, конвенционализм сложился как позитивистский принцип: утверждение произвольности выбора начальных понятий и аксиом (ограниченного лишь некоторыми формальными требованиями относительно соотношений между членами принятой группы положений). Показательны некоторые ярко выраженные формулировки конвенционализма. Например, принцип терпимости Р. Карнапа (1934), согласно которому можно выбирать («можно терпеть») любую избранную решением субъекта непротиворечивую логическую систему. Столь метафорич-

но определение логики К.Г. Гемпелем как «игры» символами согласно установленным правилам;

3) *принцип физикализма* выражал требование унификации всех наук на основе универсального языка, в роли которого представители аналитической философии видели язык математической физики. Одной из причин появления физикализма было желание преодолеть трудности, с которыми столкнулся принцип верификации, и разрешить проблему интерсубъективности предложений науки. Принцип физикализма активно развивался в первой половине 1930-х гг., а затем началось его быстрое падение. Это произошло прежде всего из-за того, что представители аналитической философии пытались уложить все науки, в том числе социальные и гуманитарные, в прокрустово ложе современной математической физики и искали чисто формальные решения.

Во второй половине XX века аналитическая философия оказала существенное влияние на теорию права, позволила сфокусировать внимание на таких объектах правовых исследований, как язык права, структура и логика правовых норм, содержание нормативного предписания, природа юридических процедур и анализ правовых аргументов при судебном выборе, интерпретация и применение законов.

Одним из наиболее ярких представителей аналитической юриспруденции по праву считается Г. Харт. Предметом его исследований являлось не «позитивное право» в целом, а его отдельные элементы: источники права (законы, обычаи, доктрины, прецеденты), законы, состоящие из правовых норм, а нормы — из правил, которые используются не для того, чтобы описать мир, а чтобы изменить его. Основная идея Харта состоит в предположении существования особого вида языковых выражений, основная функция которых заключается не в описании конкретных ситуаций, а в выражении правовых требований и в юридической квалификации событий. Г. Харт формулирует главный вопрос аналитической юриспруденции: «Как анализировать понятие человеческого действия?», а основной проблемой считает неправильное использование глагола «делать», особенно в прошедшем времени. Поэтому он начинает свой анализ с описания логики этой группы высказываний — «это моё», «это твоё», «это его», «теперь это твоё», «я сделал это» и т. п.,

которые обычно интерпретируются как дескриптивные или экспрессивные. Но подобная интерпретация, отмечает Харт, искажает перформативную функцию этих высказываний, основная задача которой состоит в требовании права, признании права, приписывании права, передачи права и, соответственно, в допущении, приписывании или привлечении к ответственности. Поэтому, в отличие от обычных дескрипций, утверждение «У него есть право» используется для того, чтобы действовать посредством правовых норм, то есть с помощью правовых норм делать вывод, а не излагать или описывать факты.

Подчеркнем, что достижения аналитической философии и аналитической юриспруденции интересны тем, что могут быть использованы для расширения границ теории и практики лингвокриминалистики. Для того чтобы оценить их теоретико-методологический потенциал, следует познакомиться с работами Г. Харта, вышедшими на русском языке.

1. Харт, Г.Л.А. Позитивизм и разграничение права и морали / Г.Л.А. Харт // Правоведение. — 2005. — № 5. — С. 102–137.
2. Харт, Г.Л.А. Понятие права / Г.Л.А. Харт. — СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского госуд. университета, 2007. — 302 с.
3. Харт, Г.Л.А. Сказка логика / Г.Л.А. Харт // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. — 2009. — № 4(8). — С. 123–136.

Эти работы содержат анализ конкретных правовых ситуаций, их «языковое сопровождение» и соответствующие им выводы, которые могут быть полезны в экспертной практике и научной работе лингвокриминалиста.

Практическое занятие 4 **Логико-семантическая программа анализа языка**

Цели: сформировать представления о концепциях аналитической философии и аналитической юриспруденции, выяснить границы применения их методологических программ.

Форма проведения — собеседование по учебным вопросам.

Учебные вопросы для собеседования

1. Логический синтаксис и логическая семантика (Г. Фреге, Б. Рассел, Р. Карнап).
2. Критика обыденного языка и поиски «идеального языка».
3. Проблема радикальной интерпретации (Д. Дэвидсон).
4. Философия языка и аналитическая теория права Г.Л.А. Харта.

Литература

1. Аналитическая философия / под ред. М.В. Лебедева, А.З. Черняка. — М. : ИПК РУДН, 2006. — 622 с.
2. Боденхаймер, Э. Современная аналитическая юриспруденция и границы ее полезности / Э. Боденхаймер // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2013. — № 4. — С. 148–155.
3. Оглезнев, В.В. Г.Л.А. Харт и формирование аналитической философии права / В.В. Оглезнев. — Томск : Изд-во Томского госуд. университета, 2012. — 216 с.
4. Суровцев, В.А. Аналитическая философия: всеобщее и нюансы / В.А. Суровцев // Вопросы философии. — 2010. — № 8. — С. 23–29.
5. Тугендхат, Э. Введение в аналитическую философию языка. Лекции / Э. Тугендхат // Логос. — 1999. — № 10 [Электронный ресурс]. — URL : http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_10/05.htm (дата обращения: 12.06.2016).

Вопросы для самопроверки

1. Какие принципы определяют суть классической методологической программы аналитической философии?
2. Определите основные направления влияния аналитической философии на лингвистику.
3. Как вы полагаете, можно ли считать аналитическую философию успешным интеллектуальным проектом?
4. Выявите общее и различное в теоретико-методологических подходах аналитической философии и аналитической юриспруденции.

Тема 5. Феноменологическая и герменевтическая теории языка

Вопросы для самостоятельного изучения

1. Методологическая программа феноменологии Э. Гуссерля как предпосылка становления феноменологической теории языка.
2. Герменевтическая методология в философии языка.
3. Юридическая герменевтика: теоретический и практический аспекты.

Изучив данную тему, студент должен

знать:

- историко-культурные и общенаучные предпосылки возникновения феноменологии;
- историю становления и теоретико-методологические основания герменевтики;
- теорию диалога и ее значение для развития гуманитарного знания;
- основные положения языковых концепций Э. Гуссерля, Г. Шпета, М. Мерло-Понти, М. Хайдеггера, Х.-Г. Гадамера, П. Рикёра, М.М. Бахтина;

уметь:

- проводить сравнительно-исторический анализ концепций языка феноменологии и герменевтики;
- использовать теоретико-методологические положения феноменологии и герменевтики для постановки и решения научных и профессиональных задач лингвокриминалиста;
- осуществлять критический анализ философских идей феноменологии и герменевтики;

владеть навыками:

- применения философских концептов «интенциональность», «сдвиг значения», «феноменологическая редукция», «дескрипция», «интерпретация», «предрассудок», «предпонимание», «понимание» к анализу конкретных языковых явлений;
- поиска библиографии и подготовки реферативного исследования по заданной теме;
- публичного выступления и обсуждения проблемных аспектов изучения методологических подходов феноменологии и герменевтики.

Алгоритм освоения темы

1. Прочитать главу IV учебного пособия С.А. Песиной «Философия языка»², главу V § 1 учебного пособия П.Н. Барышникова³.
2. Закрепить учебный материал с помощью теоретических и методических рекомендаций.
3. Подготовить ответы на учебные вопросы практического занятия.
4. Проверить полученные знания с помощью опорных вопросов к работе М. Мерло-Понти «О феноменологии языка».

Теоретические и методические рекомендации по изучению темы

В ходе изучения дисциплины «Философия языка» мы вторично обращаемся к феноменологии Э. Гуссерля. Необходимость этого обусловлена тем, что его философия представляет собой детально проработанную методологическую программу. Не случайно М. Хайдеггер писал: «Выражение «феноменология» означает прежде всего методическое понятие. Оно характеризует не содержательное *что* предметов философского исследования, но их *как*»⁴. Методологическая программа феноменологии предполагает применение последовательности методологических процедур:

1) **феноменологическая редукция**, которая помогает изменить установку сознания, устраняет из него спорные предпосылки повседневности и научности, открывает путь к чистым самоочевидным феноменам – данностям сознания. Цель редукции – получение изначальной формы опыта сознания, а ожидаемый результат – обнаружение смысла предмета, который не привносится, а раскрывает себя;

2) полученные результаты редукции должны быть подвергнуты **дескрипции**, под которой принято понимать процедуру осмысления, обобщения и закрепления самоочевидных качеств предмета с помощью не родовидового, а описательного определения (характеристики). В практике научного исследования дескрипция реализу-

² Песина С.А. Философия языка [Электронный ресурс]. М., 2014. С. 111–162.

³ Барышников П.Н. Философия для лингвистов. Язык, сознание, реальность: горизонты смысла. М., 2013. С. 246–258.

⁴ Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С. 27.

ется через выявление спектра конститутивных значений, функций и акциденций предмета в сознании с последующим их описанием в форме характеристики, модели, типологии и т. п.;

3) следующая за дескрипцией процедура *интерпретации*, или истолкования смыслов феноменологических данностей, содержит в себе проблему, получившую в герменевтике название «герменевтического круга». Суть ее состоит в том, что реализация дескрипции как бесконечной регрессии описаний ставит под сомнение возможность беспредпосылочного понимания. Как уточняет В.А. Серкова, «интерпретирующий находится в ситуации «предпонимания», в результате этого производится своеобразная «контрабанда» смыслов»⁵. Отсутствие методологических средств решения данной проблемы провоцирует «свободные фантазии», мыслительные эксперименты с познавательными образами, речевыми конструкциями.

Напомним, что предметом изучения феноменологии является опыт сознания или, точнее, переживания мышления и познания. В конкретные переживания как бы вложены значения в двух модусах: интенции значения и осуществление значения в языковых выражениях. Эти значения (или в введенной ранее терминологии — смыслы) не отягощены предметностью, а следовательно, не связаны причинно-следственной связью с денотатом. Значение-смысл — это постоянно меняющаяся субстанция, образованная аморфной совокупностью представлений, из которых в конечном счете и формируются предметы и соответствующие им денотаты. Вследствие того что предмет не предшествует значению-смыслу, а является продуктом смыслообразования, людям приходится сталкиваться с неразрешимой проблемой множественности интерпретаций. Не случайно Э. Гуссерль рассматривал язык не как особый объект, а скорее как способ видения объектов и предупреждал о «вечной опасности при неизбежной седиментизации духовных произведений в форме окаменевших языковых приобретений...»⁶.

Следует обратить внимание на понятие интерсубъективности, имеющее существенное методологическое значение не только для философии языка. Необходимость введения этого понятия Э. Гус-

⁵ Серкова В.А. Феноменологическая дескрипция. СПб., 2003. С. 7.

⁶ Гуссерль Э. Основные проблемы феноменологии. СПб., 2004. С. 222.

серль обосновывал тем, что размышляющее «Я» может оказаться в ситуации *solus*⁷. Преодоление солипсизма «Я» стало возможным благодаря обнаружению его интенциональных модификаций: «Ты», «Мы», «Они» и т. д. Эти модификации в своей совокупности образуют смысловое поле интерсубъективности или сущностной связанности людей друг с другом. Интерсубъективность как априорно-идеальная общность означает, что «Я» может мыслить и понимать других по аналогии с собой. Это, собственно, и следует считать, по мнению Гуссерля, предпосылкой существования эмпирического сообщества.

Интерсубъективное отношение — это не только раскрытие альтернативных возможностей субъектного бытия, но и действительное общение, т. е. обмен такими возможностями, их рецепция и реализация в собственном бытии, что и составляет смысл коммуникации. Результатом общения является, очевидно, усвоение взгляда на вещи, в более общем плане — мировидение других субъектов, т. е. вхождение в «конститутивную традицию», в конечном счете — раскрытие исторического горизонта собственной интенциональной жизни⁸.

В конце XIX — начале XX века герменевтика в результате заимствования некоторых идей феноменологии приобретает статус самостоятельной методологической программы. По мнению Г. Шпета, герменевтика как искусство постижения смысла должна с необходимостью включать в себя семиотические, логические и феноменологические методы, которые должны быть направлены на понимание объективного смысла текста. Поскольку смысл слова (высказывания, текста) объективен, то из герменевтики должны быть исключены психологические методы (схватывание, вчувствование, эмпатия).

Традиционным вопросом при изучении герменевтики является соотношение понимания и объяснения. П. Рикёр уточняет, что понимание всегда следует во времени за объяснением, а объяснение подводит к пониманию. Объяснение опирается на гипотезы, реконструирующие смысл текста как целого. Обоснованность таких гипотез обеспечивается вероятностной логикой. Путь от объяснения к пониманию обусловлен спецификой текста. При интерпретации

⁷ Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб., 1998. С. 91.

⁸ Борисов Е.В. Проблема интерсубъективности в феноменологии Э. Гуссерля / Логос. 1999. № 1 // URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_01/1999_1_05.htm.

текста имеет большое значение правильная методика формулировки вопросов по отношению к нему. Вопросы должны предельно ясно способствовать усвоению смысла текста. Вопросную методику исследования текста П. Рикёр переносит на философское знание, предлагает даже считать «вопрошание» философским методом.

Последовательность методологических процедур герменевтики можно представить следующим образом:

1) *предпонимание* — это определяющаяся традицией предпосылка понимания, поэтому оно должно выступать одним из условий понимания. Х.-Г. Гадамер называет предпонимание «предрассудком» и тактирует его как суждение или первичное представление, которые имеют место до окончательной проверки всех фактически определяющих моментов. Традицию Гадамер считает одной из форм авторитета. Она связывает историю и современность. Традиции, актуальные для современности, Гадамер также называет предрассудками;

2) *понимание* — это методологическая процедура, результатом которой является реконструкция смысла текста, опирающаяся на интерпретационную гипотезу;

3) *интерпретация* или средство наделения смыслом знаково-символических конструкций. Поскольку интерпретация представляет собой достаточно свободный творческий акт, герменевтика характеризуется терпимостью к множественности результатов интерпретации. Интерпретация и понимание текстов обеспечиваются особыми методологическими средствами: герменевтическим кругом, вопросно-ответными методиками, контекстным методом, специальными логическими средствами, семиотическими и психологическими приемами.

В современной юридической науке методология герменевтики занимает особое место. Крупнейший методолог юридических исследований, немецкий правовед Артур Кауфман (1923—2001) полагал, что именно герменевтика должна примирить сферы должного и сущего. Сферой действия герменевтики он считал деятельность судьи, выступающего рупором действительного, а не книжного права. Именно судья осуществляет сопоставление языковых выражений правовой нормы и юридического содержания конфликта, который норма должна регулировать. Иными словами, закон не рассматри-

вается как нечто вполне достаточное для формирования правил в процессе выработки судебного решения. В видении Кауфмана, лишь судья выявляет содержание и смысл конкретной конфликтной ситуации и определяет, насколько закон соответствует положению вещей в данное время и в данном месте.

Подобно философской герменевтике юридическая герменевтика рассматривает юридическую реальность как текст, нуждающийся в интерпретации. Современные исследователи расширяют представления о предмете исследования юридической герменевтики, он представляется не только как смысл юридических текстов в широком смысле слова (т. е. юридическая реальность как таковая), но как смысловые основания юридического дискурса — то есть система юридического знания, выраженная в языке. Таким образом, предметом исследований в юридической герменевтике предстает смысл как отдельных позитивно-правовых установлений, так и всей правовой реальности в целом, понимаемой как текст или дискурс.

В юридической герменевтике принято различать научную интерпретацию правовых явлений от практически-прикладного толкования. Так, юридическая герменевтика как научная методология направлена на исследование правовых текстов как форм конституирования или смыслообразования права. Как пишет А.В. Поляков, легитимность правового текста связана с возможностью обнаружить в нем смысл в процессе интерпретации: «В конкретном социокультурном контексте отдельные аспекты вложенной в правовой текст информации могут актуализироваться, другие, напротив, — утратить свою актуальность для интерпретирующих субъектов. ... Кроме того, все, что нами в процессе интерпретации описывается или объясняется, зависит от возможностей принятой системы языка»⁹.

Практически-прикладная юридическая герменевтика направлена на выявление значения, заложенного законодателем в текст нормативно-правового акта, а также выявление юридического значения конкретной ситуации, конкретных отношений между людьми, которые или урегулированы правом, или требуют такой регуляции. В данном случае понимание предполагает наличие определенной

⁹ Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права. СПб., 2005. С. 417.

смысловой константы, которая есть значение нормы, закона, правоприменительного акта. Задача практически-прикладной юридической герменевтики — понять значение права и соотнести его с данным случаем, казусом. Таким образом, практически-прикладная юридическая герменевтика ориентирована преимущественно на правоприменение. Она исследует, каким образом значение нормы постоянно обогащается за счет включения в его пространство новых смысловых элементов, порожденных осмыслением единичных случаев, регламентируемых этой нормой. Поэтому практически-прикладная герменевтика имманентно включает в себя элементы смыслопорождения и неявное правотворчество. Между научной юридической герменевтикой и практически-прикладной юридической герменевтикой существуют прямые и обратные связи. Так, прикладная герменевтика есть познавательный механизм, позволяющий понять действующий смысл закона, соотнести его с конкретной ситуацией, а также юридически осмыслить ситуацию, к которой необходимо приложить этот закон. Юридический смысл закона является результатом правового мышления законодателя, которое, в свою очередь, опирается на научные исследования, научные герменевтические изыскания права, которые не могут не опираться на судебную или иную правоприменительную практику.

Практическое занятие 5

Феноменологическая и герменевтическая теории языка

Цели: сформировать представления о феноменологической, герменевтической теориях языка и юридической герменевтике, выяснить границы применения их методологических программ.

Форма проведения — собеседование по учебным вопросам.

Учебные вопросы для собеседования

1. Методология Э. Гуссерля. Теория значимостей (смысла) в феноменологии.
2. Язык и видение мира (М. Мерло-Понти).
3. Язык как выявление скрытого (М. Хайдеггер).
4. Язык как среда герменевтического опыта (Х.-Г. Гадамер, П. Рикёр).
5. Коммуникативно-диалогическая парадигма языка (М.М. Бахтин).

6. Юридическая герменевтика и проблемы толкования юридических текстов.

Литература

1. Инишев, И.Н. Гуссерль и философия языка (значение, образ, медиум) / И.Н. Инишев // Топос. — 2009. — № 2–3 (22). — С. 74–86.
2. Кузнецов, В.Г. Герменевтика и ее путь от конкретной методики до философского направления / В.Г. Кузнецов // Логос. — 1999. — № 10 (20) — С. 43–88 [Электронный ресурс]. — URL : http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_10/04.htm (дата обращения: 16.06.2016).
3. Марков, Б.В. Философия языка / Б.В. Марков // Метафизические исследования: Язык. Альманах «Метафизические исследования». — СПб. : Алетейя, 1999. — Вып. 11. — С. 9–45.
4. Мерло-Понти, М. О феноменологии языка / М. Мерло-Понти // В защиту философии. — М. : Издательство гуманитарной литературы, 1996 [Электронный ресурс]. — URL : <http://anthropology.ginet.ru/old/6/merlo.htm> (дата обращения: 16.06.2016).
5. Молчанов, В.И. Одиночество сознания и коммуникативность знака / В.И. Молчанов // Логос. — 1997. — № 9. — С. 5–24 [Электронный ресурс]. — URL : http://www.ruthenia.ru/logos/number/1997_09/01.htm (дата обращения: 16.06.2016).
6. Назарчук, А.В. Теория коммуникации в современной философии / А.В. Назарчук. — М. : Прогресс-Традиция, 2009. — С. 221–246.
7. Овчинников, А.И. Юридическая герменевтика как правопонимание / А.И. Овчинников // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2004. — № 4. — С. 160–169.
8. Фалёв, Е.В. «Герменевтика языка» в философии М. Хайдеггера / Е.В. Фалёв // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 10 (48), часть 2. — С. 91–94.

Задание для самопроверки

Проанализировать работу Мориса Мерло-Понти «О феноменологии языка» с помощью опорных вопросов:

1. Что такое, с точки зрения М. Мерло-Понти, язык и каковы его функции?

2. Что такое сознание? Как соотносятся язык и сознание?
3. Каким представляется язык с точки зрения ученого-исследователя и с точки зрения обычного «пользователя»?
4. На какие идеи теории языка Ф. де Соссюра направлена критика Мерло-Понти?
5. Что такое, с точки зрения Мерло-Понти, продольный и поперечный срезы языка? Что он обнаруживает при интеллектуальном «разглядывании» (феноменологической редукции) в поперечном срезе?
6. В чем состоит, согласно Мерло-Понти, новизна феноменологической концепции бытия языка? Что является предметом феноменологии языка?
7. Как соотносятся смысл и значение? Как порождается значение?
8. Что такое телесность? Какова ее роль в порождении речи?
9. С учетом каких измерений, по мнению философа, необходимо осуществлять описание (дескрипцию) языка?
10. Почему «мысль выраженная всегда есть ложь»?
11. Что такое сигнификативная интенция? Какую иллюзию она в себе содержит?
12. Каковы условия понимания?
13. Какие положения феноменологии Э. Гуссерля стали предметом критики Мерло-Понти?
14. Прокомментируйте высказывание Мерло-Понти: «В той мере, в какой произносимое мною имеет смысл, я, в момент проговаривания, являюсь для самого себя иным «другим»; когда же я что-либо понимаю, то уже не знаю, кто говорит и кто слушает»¹⁰.

Тема 6. Теории коммуникации и дискурса

Вопросы для самостоятельного изучения

1. Природа коммуникации и ее эволюционные формы.
2. Язык и идеальное коммуникативное сообщество К.-О. Апеля.
3. Дискурс как рефлексивная форма коммуникации.
4. Функции языка в коммуникативно-диалогической парадигме.
5. Коммуникативная теория права.

¹⁰ Мерло-Понти М. О феноменологии языка // В защиту философии. М., 1996.
// URL: <http://anthropology.rinet.ru/old/6/merlo.htm> (дата обращения: 16.06.2016).

Изучив данную тему, студент должен

знать:

- историко-культурные и общенаучные предпосылки возникновения теории коммуникации;
- значение теории коммуникации в развитии философии языка;
- о влиянии теории коммуникативного действия и дискурсивной коммуникативной этики на социальную теорию и практику;
- основные положения теорий коммуникаций К.-О. Апеля, Ю. Хабермаса, М. Маклюэна, А.В. Полякова, Ф. Кауфманна, В. Кравица, Н. Лумана;

уметь:

- проводить содержательно-логический анализ коммуникативных теорий языка;
- находить эмпирический материал, иллюстрирующий влияние теории коммуникативного действия и дискурсивной коммуникативной этики на политические процессы современного общества, практику аргументации, технологии СМИ, социальное управление;
- использовать теоретико-методологические положения коммуникативных теорий языка, в том числе и коммуникативной теории права, для постановки и решения научных и профессиональных задач лингвокриминалиста;
- осуществлять критический анализ философских идей коммуникативных теорий;

владеть навыками:

- применения философских концептов «коммуникативное действие», «коммуникативный разум», «коммуникативная рациональность», «коммуникативная компетентность», «принцип дискурса», «морально-стратегический принцип дополнительности» к анализу конкретных языковых явлений;
- поиска библиографии и подготовки реферативного исследования по заданной теме;
- публичного выступления и обсуждения проблемных аспектов коммуникативных теорий языка.

Алгоритм освоения темы

1. Прочитать главу I § 3, 4 учебного пособия С.А. Песиной «Философия языка»¹¹, лекции с 1 по 8 учебного пособия А.В. Назарчука «Теория коммуникации в современной философии»¹².
2. Закрепить учебный материал с помощью теоретических и методических рекомендаций.
3. Подготовить доклад (тема по выбору) к практическому занятию.
4. Проверить полученные знания с помощью вопросов для самопроверки.

Теоретические и методические рекомендации по изучению темы

Кардинальные изменения последних десятилетий в общественной и частной жизни принято связывать с революцией в сфере коммуникативных технологий (мобильная телефония, Интернет, электронные массмедиа, IT в сфере финансов, права и т. д.). Именно в связи с этими изменениями понятие коммуникации прочно вошло в лексику ученых, общественных деятелей, повседневное общение. Что же интересует философию языка в этом вновь «переоткрытом» явлении?

Вплоть до «лингвистического поворота» философия была философией «некоммуницирующего сознания». Традиционно в ней шла речь о бытии и его познании в метафизике или о данностях сознания. Истолкование процесса познания и данного сознанию мира совершалось из одной, конвенционально принятой точки зрения. Коммуникативные же теории взорвали привычный философский дискурс. Механизмы коммуникации, ее предмет, субъекты, ее сущность постепенно занимают лидирующее место в философских исследованиях.

Заметим, что философская интерпретация коммуникации почти никогда не сводится только лишь к проблеме обмена информационными сообщениями между индивидами или к их речевому общению. Коммуникацию могут составлять и курсирование ресурсов внутри подсистем общества (Т. Парсонс), и экономические обмены

¹¹ Песина С.А. Философия языка [Электронный ресурс]. М., 2014. С. 30–50.

¹² Назарчук А.В. Теория коммуникации в современной философии. М., 2009. С. 7–166.

(Ж. Бодрийяр), и трансляция мифов (К. Леви-Строс, Р. Барт), и обмен взглядами в уличной сцене (Э. Гидденс), и диалог между двоими (М. Бубер), и памятники и тексты культуры (Ю. Лотман). В зависимости от трактовки самого смысла общественной жизни философы совершенно по-разному понимают содержание коммуникации и деятельность общества как коммуникативной системы. Но в подходах к коммуникации есть и постоянные элементы. К ним относится не только коммуникативная формула, связывающая трехчленную цепочку адресант — сообщение — адресат, но и медиареальность, образующаяся в процессе коммуникации, т. е. коммуникативная реальность как особое измерение реальности социума. Поэтому изучение коммуникации немислимо без обращения к проблемам языка.

Изучение коммуникативных теорий языка целесообразно начать с краткого экскурса в историю форм коммуникации. Принято считать, что коммуникация как языковое явление зародилась в эпоху античности, когда были введены понятия знака и значения. При этом греческие философы придавали центральное значение в коммуникации не письму, а устной речи, которую они понимали как непосредственное событие смысла. В политическом отношении диалог и полемика свободных граждан в устной форме по поводу общественных дел способствовали реализации демократии. А личный героизм формировался под влиянием речитатива мифического или эпического сказителя. «Чудо» устной речи состояло не в том, что она сообщает истину, говорит то, что есть на самом деле, а в ее суггестивности.

В эпоху Римской империи возникла новая технология власти. Действительно, огромная территория, населенная разными народами, верующими в разных богов, говорящими на разных языках, — все это заставило отказаться от демократии в пользу тирании, опирающейся на бюрократию. Поэтому римская имперская техника власти опиралась не столько на устно-вербальные, сколько на письменно-визуальные знаки.

Уже во времена Цицерона гуманистами называли людей, умевших пользоваться алфавитом, использовавших язык для воздействия на людей с целью их облагораживания. Первым важным посланием была греческая литература, а ее первыми получателями и читателями — римляне. Благодаря прочтению текстов содержание

греческой культуры оказалось открытым для империи и позже для всего европейского мира. Коммуникация на расстоянии предполагала не только владение письменной речью, но также толкователей письменных текстов.

В эпоху Нового времени, в эпоху становления национальных государств, возникают специальные дисциплинарные учреждения, поддерживающие письменную культуру в определенных рамках. Это прежде всего школы и гимназии, благодаря которым литературные стандарты согласуются с политическими интересами элит. Благодаря этим стандартам складывается принудительная коммуникация, организованная каноном лекций в том или ином национальном пространстве.

С утверждением новой медиальной культуры радио (1914), телевидения (1945) и, наконец, всемирной сети Интернет сосуществование людей стало строиться на новой основе. В современном обществе люди достигают идентичности маргинальными внеписменными, внелитературными, внегуманистическими медиумами. В результате язык перестает быть носителем национального духа. Национальный синтез осуществляется не на основе книги и письма. Электронные медиумы эклектически сводят вместе научный, эстетический и этический дискурсы, причем так, что трудно отличить не только информацию от оценки, но и вымысел от реальности. Так, анализ медиакратических технологий показывает, что между восприятием иконы и ТВ-изображения имеется принципиальное сходство. Кумиры ТВ постепенно превратились в нечто иное: они сами стали самоценной реальностью. Собственно, икона заменила трансцендентного невидимого Бога его изображением.

Итак, история форм коммуникаций показывает, что их трансформации всегда оказывают существенное влияние на условия существования общества. При этом вопросы, связанные с выяснением смысла коммуникативных процессов, а также определением соответствующих им функций языка, требуют обращения к анализу современных коммуникативных теорий.

Заметим, что все теории языковой коммуникации отличает методологическая эклектичность. Ее причиной является то, что к 60–70 гг. XX века были разработаны все основные «прикладные версии»

феноменологии языка, проявились значительные теоретико-методологические результаты «лингвистического поворота» в виде теории речевых действий, порождающих грамматик, герменевтики и аналитической философии.

Одним из родоначальников философской теории коммуникации и ярчайших эклектиков по праву считается Карл-Отто Апель. Как пишет А.В. Назарчук, «в концепции трансцендентальной прагматики Апель стремится соединить несоединимое – дополнить сциентистскую концепцию языка ее гуманистически-герменевтической интерпретацией»¹³. Теоретический путь философа к понятию коммуникации шел через философию сознания, а именно через попытку преодоления проблемы методологического солипсизма¹⁴. По мнению К.-О. Апеля, солипсизм может быть преодолен, если включить в процесс познания язык и в качестве посредника между субъектом и предметом, и в качестве средства интерпретации предмета. В этом случае субъект мог бы приниматься во внимание как участник интерпретационного процесса рядом с другими субъектами интерпретации: субъект – косубъект – предмет (или по формуле: x объясняет y для z). В результате переноса познания на уровень языка решается проблема солипсизма и конституируется новый уровень познания – интерсубъективный¹⁵.

Апель определял язык как органон познания и основу всех жизненных практик, форм и институтов¹⁶. Он образует реально-историческую связь, из которой ее участники не могут выйти. Тотальная языковая взаимозависимость людей порождает коммуникативные ситуации, идеальное коммуникативное общество и формирует коммуникативные компетенции. Обратимся к описанию этих многозначных понятий, обозначающих перечисленные языковые явления.

¹³ Назарчук А.В. Теория коммуникации в современной философии. М., 2009. С. 31.

¹⁴ Методологический солипсизм состоит в отрицании строгих гносеологических требований (например, требование, что знание должно быть достоверным). Этот вид солипсизма считает, что любое индуктивное умозаключение может быть ошибочным. Иногда методологический солипсизм идет еще дальше, утверждая, что наверняка известно только наличие мыслей.

¹⁵ Ныне очень популярное среди гуманитариев понятие «интерсубъективность» изначально имело именно это значение.

¹⁶ См.: Назарчук А.В. Язык в трансцендентальной прагматике К.-О. Апеля // Вопросы философии. 1997. № 1. С. 69–75.

Коммуникативная ситуация — система условия взаимодействия лицом-к-лицу, при которой все партнеры разделяют общее время и пространство, чувственно воспринимают друг друга.

Идеальное коммуникативное сообщество — система условий, при которых каждый участник коммуникации, следуя правилам аргументации и аргументируя, выдвигает притязания на признание значимости его суждений неограниченным коммуникативным сообществом. В отличие от идеального коммуникативного сообщества в реальном коммуникативном сообществе отражено все несовершенство коммуникации, происходящей здесь и сейчас.

Коммуникативная компетенция — способность субъекта, нацеленного на взаимопонимание, включать правильно построенное предложение в систему отношений реальности.

Поскольку центральным пунктом коммуникации является взаимопонимание, т. е. признание взаимных притязаний на значимость, то, по мнению К.-О. Апеля, это столь же моральный акт, сколь и творчески познавательный. Например, если коммуникация не учитывает интересы всех ее участников, а преследует какие-то внешние цели, она порождает либо неудавшуюся, либо искаженную коммуникативную ситуацию.

Ближайшим последователем и одновременно оппонентом К.-О. Апеля принято считать Ю. Хабермаса. Системообразующим элементом его теории коммуникативного действия является концепт речевого действия. Суть последнего состоит в том, что язык встраивается в структуру действия как такового и тем самым приобретает свое место в системе социальных действий. Другим философским открытием Ю. Хабермаса является понятие коммуникативной рациональности. Собственное исходное значение понятия рациональности выражает тесную связь со знанием. Коммуникативная же рациональность определяется как процесс, в котором способные к речи и действию субъекты приобретают и применяют знания. В языковых выражениях знание выражено имплицитно. При этом коммуникативная рациональность языковых проявлений субъекта определяется в доступности их для критики и, соответственно, для возможности их обоснования.

Источником коммуникативной рациональности является коммуникативная компетенция субъекта, состоящая в понимании языка и умении использовать известные слова и выражения в новых ситуациях. Связанная с ней дееспособность определяется Хабермасом через отношение субъекта к языку, включает в себя репродуктивный и продуктивный моменты. С одной стороны, она связывается им с умением ориентироваться на существующие правила; с другой — на присущие речи универсальные значимые претензии. Ориентацией на последние объясняется способность использовать язык, изменяя его семантику.

Когда говорят о речевом акте, то подразумевают, что вместе с высказыванием мы одновременно что-то делаем: обещаем, соглашаемся и т. д. Само производство высказывания является осуществлением действия. Например, в выражении «Обещаю тебе, что я завтра приду», обещание не только выражается, но и дается в первой части предложения. Тем самым речевой акт обнаруживает свою тройственную структуру: по отношению к используемым языковым средствам он выступает как локутивный акт; по отношению к цели коммуникации — как иллокутивный акт; по отношению к своим результатам — как перлокутивный акт. Прагматический подход Ю. Хабермаса включает в поле своего внимания второе измерение коммуникации: иллокутивный акт выражает коммуникативное намерение говорящего, заключающееся в желании быть понятым. Перлокутивный акт оказывает каузальное воздействие на слушателя и не имеет внутреннего отношения к сказанному (зависит от случайных контекстов коммуникативной практики). Таким образом, стандартное речевое действие состоит из двух частей: иллокутивной, заключенной в перформативном предложении, и локутивной, заключенной в пропозициональном, констатирующем предложении. При этом собственный смысл пропозиционального предложения — т. е. то, каким образом его следует понимать, — определяется преимущественно иллокутивной частью, перформативным предложением. Важно, что перформативный смысл речевого действия открывается только такому слушателю, который отказался от перспективы наблюдения в пользу перспективы участия.

Субъективным условием для этого является рефлексивное отношение субъекта к тому, что он полагает, делает и говорит. Таким образом, способность к рефлексии связана с ключевыми рациональными структурами знания, целевой деятельности и дискурса.

С позиции Ю. Хабермаса, дискурс — это такой вид языковой коммуникации, который организован комплексом строгих правил. Эти правила следующие:

- 1) открытое участие любого способного к речи субъекта при его полном равноправии со всеми остальными участниками дискурса;
- 2) в дискурсе запрещается совершать какое-либо принуждение в целях достижения согласия;
- 3) участники дискурса вправе действовать лишь на основе мотива достижения кооперативного и аргументированного согласия.

Оригинальная теория дискурса принадлежит известному современному философу и социологу М. Фуко. Он разделяет установку структуралистов о том, что «все есть текст». При этом, рассуждая по поводу вопроса, что такое высказывание, М. Фуко не ограничивается только «режимами истины». Дело в том, что и приговор судьи, и диагноз врача, которые ссылаются на истину, могут быть оспорены и не признаны. Все знают, что кроме приговоров, диагнозов, осуждений и оценок существуют иные дисциплинарные воздействия. Те, кто занят поисками истины, обычно им не придают особого значения. Но на самом деле они являются теми «пространствами», в которых «изрекаются» истины, в которых они обретают свой «мистический» авторитет. Больным становятся в больнице, а преступником в тюрьме. Опыт признания, таким образом, не сводится к доказательству, обоснованию и проверке, а включает дисциплинарное воздействие, некоторый ритуал, дрессуру, которые работают в режиме повторения. Но повторение у М. Фуко отличается от герменевтического повторения. Это не я свободно повторяю то, что до меня делали в жизни другие, то, что является сутью бытия, а оно насильственно заставляет меня повторять то, к чему были принуждены другие.

Резюмируя понимание дискурса у М. Фуко, следует подчеркнуть его стремление к соединению дискурсивных и недискурсивных практик. Современные исследователи скептически относятся к самому их разделению, признавая, что мы не можем выйти

за пределы языка. Но понятие дискурса Фуко отделяет от языка. Его своеобразие — не только акцентирование разделения и различения (дискурс как машина дифференциации в языке). Дискурс — это такое употребление языка, которое действует в определенном месте. Значение высказываний в дискурсе зависит не столько от референции или от понимания смысла, сколько от пространства, в котором оно произносится.

По мнению М. Фуко, необходимо всякий раз уточнять то, с чем соотносится высказывание. Сначала его связывали с тем, что видят. При этом наибольшее доверие вызвала способность видеть то, чего не видят другие. Например, в работе «Рождение клиники» М. Фуко отмечает, что в истории медицины это доверие имело особое значение, когда наблюдение играло решающую роль. Но затем акцент делается на истину, и это существенно меняет дело. Главное — акт установления истины, который связан с доказательством и обоснованием. А это требует не только способности видеть, но и доказывать. При этом всякое высказывание нужно связывать со смыслом и способностями говорящего субъекта к коммуникации.

В работе «Порядок дискурса» М. Фуко предлагает гипотезу о том, что в любом обществе производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур, функция которых — нейтрализовать его властные полномочия и связанные с ним опасности и неопределенность. Но дело в том, что дискурс — это и есть порядок. Зачем же принимать еще один? Если посмотреть на общество «со стороны», то оно предстанет в виде разнообразных инстанций порядка, которые наблюдают друг за другом. Так и язык, упорядочивая вещи, желания, состояния, он сам подлежит контролю. Хотя язык — это порядок, однако он следует разнообразным порядкам мира и может выражать нечто такое, что сегодня уже не нравится и поэтому подлежит запрету.

Сегодня ограничению подлежат речи о сексе и политике. И это тоже удивительно, так как, если эти объекты угрожают какой-то опасностью, то как раз о них и следует говорить чаще всего. Связь вещей и дискурса состоит в том, что говорящий о них воспроизводит желание и одновременно, овладевая дискурсом, обретает власть

над ним. Другим способом ограничения является разделение и исключение. Наиболее ярко он срабатывает в психиатрии, которая включает определенного вида дискурс как безумный. Но почему он так квалифицируется? Действительно, безумцы были всегда. Различие между ними и «нормальными» людьми проявляется не только в языке, но и в поведении. И если только понимать дискурс как истолкование всего, что существует и может восприниматься, то, конечно, можно сказать, что различие нормального и безумца имеет дискурсивный характер. Другое дело, что дискурсивные практики определения отличаются от становления как такового, где нормальные и безумцы представляют собой какую-то непрерывную игру природных сил, игру, в которой «нормальные» побеждают и подчиняют безумцев. Но природа их все-таки производит, и непонятно, являются ли они неким генофондом, сохраняемым на тот случай, когда мир изменится настолько, что нормальные люди в нем уже не смогут существовать, или они являются возмездием «нормальному» человеку за его пренебрежительное отношение к естественным законам жизни. Как бы то ни было, исследование истории развития дискурса обнаруживает поразительные вещи, выходящие за рамки собственно лингвистических актов, точнее, обнаруживающие удивительную и даже жутковатую связь теоретических различий и дефиниций с системой социальных действий, традиций и институтов.

В качестве еще одной «системы исключения» М. Фуко рассматривает различие истинного и ложного. Это различие всегда имело привилегированный характер и отделялось от иных различий, явно связанных с ограничением, притеснением и насилием. Словно для того, чтобы осознать и соизмерять меру своего насилия, человек пытался создать некий объективный масштаб. Право-справедливость и правда-истина всегда конституировались в качестве идеала, на основе которого оценивались реальные поступки людей. Но на каком основании право и истина претендуют на универсальность? Происхождение дискурса об истине философ связывает с ритуалами клятвы, прорицания, суда.

Некоторые из изложенных выше философских идей нашли свое воплощение в коммуникативной теории права. Она в настоящее время имеет сторонников как у нас в стране (А.В. Поляков,

Е.А. Чичнева, Л.А. Харитонов, М.Н. Козюк, А.В. Овчинников, В.Ю. Вобликов и др.), так и за рубежом (Ю. Хабермас, Ф. Кауфманн, М. Мюллер, В. Кравиц, Н. Луман, Э. Паттаро и др.). В рамках коммуникативной теории право представлено тремя измерениями: деятельностью сознания, социокультурными условиями и межсубъектными правовыми коммуникациями. Значение коммуникативной теории права состоит в нацеленности на решение важнейших проблем современной философии языка: проблемы субъекта и его сознания, проблемы статуса правовых текстов как источников права и правовых норм, проблемы правового взаимодействия в форме прав и обязанностей.

Коммуникация в данном понимании права фиксируется через двойное определение. С одной стороны, коммуникация является субстанциональной основой права, а с другой – все элементы права (правовые субъекты, их права и обязанности, правовые нормы) также определяются как коммуникативные. При этом коммуникация в отношении отдельных элементов права опосредована правовыми текстами и процедурами их интерпретации¹⁷. Данное определение права через «удвоенную» коммуникацию кажется несколько искусственным. Такое впечатление обусловлено не только наличием логической ошибки «круг в определении». В нем используется известная юрнатуралистическая установка о том, что право изначально разумно, а проблема заключается лишь в том, чтобы правовые тексты и их понимание также соответствовали требованиям разума. Вследствие того, что коммуникация может обретать статус субстанции (наподобие всеобщего разума в юрнатурализме), она становится ограничением спонтанности правосознания.

Таким образом, теории коммуникации и дискурса представляют собой синтез достижений предшествующих направлений развития философии языка с выраженным уклоном в сферу прагматики. Они легко «адаптируются» к решению проблем социальной философии, теории права, политологии и социологии.

¹⁷ Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права. СПб., 2005. С. 103.

Практическое занятие 6

Теории коммуникации и дискурса

Цель – сформировать представления о философских концепциях, исследующих язык в контексте коммуникации и дискурса.

Форма проведения – обсуждение докладов по темам.

Темы докладов

1. Теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса.
2. Язык и власть в наследии М. Фуко.
3. Средства коммуникации и теория массмедиа М. Маклюэна.
4. Коммуникативная теория права В. Кравица.

Литература

1. Апель, К.-О. Трансформация философии / К.-О. Апель. – М. : Логос, 2001. – 344 с.
2. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга. Становление человека читающего / М. Маклюэн. – М. : Академический проект, 2015. – 443 с.
3. Маклюэн, М. Понимание медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн. – М. : КАНОН-Пресс-Ц, 2004. – 464 с.
4. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. – М. : Гуманитарная академия, 1996. – 485 с.
5. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарного знания / М. Фуко. – СПб. : А-сэд, 1994. – 406 с.
6. Соболева, М.Е. К концепции философии языка Ю. Хабермаса / М.Е. Соболева // Логос. – 2002. – № 2 [Электронный ресурс]. – URL : http://www.ruthenia.ru/logos/number/2002_02/07.htm (дата обращения: 23.06.2016).
7. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука, 2000. – 380 с.
8. Кравиц, В. Юридическая коммуникация в современных правовых системах / В. Кравиц // Правоведение. – 2011. – № 5. – С. 8–26.
9. Кравиц, В. Пересмотр понятия права / В. Кравиц // Российский ежегодник теории права. – 2008. – № 1. – СПб. : Юридическая книга, 2009. – С. 433–445.

Вопросы для самопроверки

1. Какие новые проявления «лингвистического поворота» обнаружались в современных коммуникативных теориях?
2. Выделите не менее пяти различных значений понятия «дискурс» и дайте им соответствующие комментарии.
3. Почему К.-О. Апеля принято считать родоначальником теории коммуникации?
4. Можно ли считать тождественными понятия «легитимность» и «нормативные требования значимости» (Ю. Хабермас)?
5. Как, с точки зрения М. Маклюэна, трансформировались функции языка под влиянием революций в коммуникативных технологиях?
6. Как, по мнению М. Фуко, в процессе языковой игры происходит дисциплинаризация человека? Почему язык нуждается в контроле со стороны власти?

Тема 7. Постструктурализм и психоанализ в философии языка

Вопросы для самостоятельного изучения

1. Постструктурализм как преодоление структурализма.
2. Проблема «идейного» родства постструктурализма и психоанализа.
3. Парадигма деконструктивизма и философия языка Ж. Деррида.
4. Бессознательное как особый язык в философии Ж. Лакана.

Изучив данную тему, студент должен

знать:

- историко-культурные и общенаучные предпосылки возникновения постструктурализма и психоанализа;
- основные идеи и представителей постструктурализма, психоанализа, исследовавших языковую проблематику;
- о последствиях влияния постструктурализма и психоанализа на развитие лингвистики и философии языка;

уметь:

- осуществлять критический анализ теорий постструктурализма и психоанализа;

- находить эмпирический материал, иллюстрирующий влияние деконструктивизма и психоанализа на современную практику аргументации, технологии СМИ, социальное управление и литературное творчество;
- использовать теоретико-методологические положения постструктурализма и психоанализа для постановки и решения научных и профессиональных задач лингвокриминалиста;
владеть навыками:
- применения философских концептов «эпистема», «грамматология», «деконструкция», «архи-письмо», «постмодернизм», «бес-сознательное» к анализу конкретных языковых явлений;
- применения философских идей постструктурализма и психоанализа к исследованию научных и литературных текстов, изучению истории языка;
- поиска библиографии и подготовки реферативного исследования по заданной теме;
- публичного выступления и обсуждения проблемных аспектов постструктурализма и психоанализа.

Алгоритм освоения темы

1. Прочитать главу V § 2, 4 учебного пособия П.Н. Барышникова «Философия для лингвистов»¹⁸, лекции 9, 10 и 12 учебного пособия А.В. Назарчука «Теория коммуникации в современной философии»¹⁹.
2. Закрепить учебный материал с помощью теоретических и методических рекомендаций.
3. Подготовить доклад (тема по выбору) к практическому занятию.
4. Проверить полученные знания с помощью вопросов для самопроверки.

¹⁸ Барышников П.Н. Философия для лингвистов. Язык, сознание, реальность: горизонты смысла. М., 2013. С. 259–271, 284–292.

¹⁹ Назарчук А.В. Теория коммуникации в современной философии. М., 2009. С. 180–185, 194–212, 251–268.

Теоретические и методические рекомендации по изучению темы

Постструктурализм и психоанализ являются одними из самых «модных» направлений философии языка. Причины, по которым их философские идеи оказались столь привлекательными для современного литературоведения, обусловлены рядом факторов. Во-первых, основные представители постструктурализма и психоанализа (Ж. Деррида, Ж. Делез, Ф. Гваттари, М. Фуко, Ж. Лакан, Р. Барт, Ю. Кристева и др.) активно используют художественную литературу для доказательства и демонстрации своих гипотез и выводов. В этом отношении они находятся в общем русле той тенденции научного мышления современности, для которого изящная словесность стала «испытательным полигоном» для разного рода концепций философского, культурологического, социологического и даже научно-естественного характера. Во-вторых, сама специфика научного мышления, заостренного на языковых проблемах и апеллирующего не к языку логического и строго формализованного понятийного аппарата, а к языку интуитивно-метафорических, поэтически многозначных понятий, вызвала повышенный интерес к проблематике литературно-художественного свойства. И, наконец, в-третьих, при таком подходе филология перестает быть только наукой о слове и превращается в своеобразный способ современного философствования.

Что касается теории постструктурализма, то она развивалась как критика структурализма, которая велась по четырем основным направлениям: проблемам структурности, знаковости, коммуникативности и целостности субъекта. Напомним, что структурализм возник прежде всего как комплекс структурно-семиотических представлений с явно выраженной лингвистической ориентацией. Центральным базовым понятием структурализма является понятие структуры. Структура представляет собой совокупность отношений инвариантных при различных внутренних и внешних преобразованиях любой диахронически развивающейся системы. Любая структура, которую в структурализме очень часто определяют как модель, должна отвечать трем необходимым условиям:

- 1) целостности — подчинение элементов целому и независимость последнего;
- 2) трансформации — упорядоченный переход одной подструктуры (или уровня организации составляющих данную структуру элементов) в другую на основе правил порождения;
- 3) саморегулированию — внутреннее функционирование правил в пределах данной системы.

Таким образом, структура выступает не просто в виде устойчивого «скелета» объекта, а как совокупность правил, следуя которым можно из одного объекта получить второй, третий и т. д. Данные характеристики структуры стали основанием критики теории знака Ф. де Соссюра со стороны представителей постструктурализма. В первую очередь критика была направлена на размывание замкнутости, внутренней закрытости знака по отношению к другим знакам, способности означающего прямо, непосредственно и полно репрезентировать, представлять обозначаемое им явление.

Наиболее авторитетное среди постструктуралистов теоретическое обоснование этой критики традиционной концепции знака дал Ж. Деррида. Вслед за Ф. де Соссюром философ утверждает, что термины «означающее» и «означаемое» представляют собой бинарную оппозицию, где «левосторонний термин» занимает привилегированное положение. При этом означающее и означаемое аналогичны оборотной и лицевой стороне листа, то есть мысль, идея, понятие (внутреннее) репрезентируются посредством чувственного, материального, доступного восприятию (внешнего) — акустического образа, комбинации определенных фонем. Процесс объективации содержания сознания оказывается тривиальным в силу того, что одно определенное означающее (акустический образ) закреплено за одним определенным означаемым (понятием). То же верно и в отношении взаимодействия графемы и фонемы. Конечно, существуют полисеманты, но в рамках философского и научного дискурса избыточные значения, как правило, устраниаются.

Подобного рода определенность в структуре замещения и представления, приводящая к однозначности, линейности и последовательности дискурса, позволяет процессу означивания и трансляции быть абсолютно «прозрачным»: и письмо, и речь «стираются»,

оставляя в наличии лишь само понятие. Эта логика анализа знака и не устраивает Ж. Деррида по причинам исторического, философского и риторического характера. Он считает, что недостаток западноевропейской метафизики состоит в том, что оппозиция означаемого-означающего редуцировалась к означаемому, и если шла речь об означающем, то в его роли всегда выступал голос (phone), непосредственно связанный с сознанием, тогда как письмо вообще исключалось из процесса смыслообразования. Ныне письмо (как текст) определяет язык и за его рамки. Иными словами, все, с чем мы имеем дело, оказывается той или иной разновидностью текста, то есть текст/письмо является началом, в том числе и началом сознания, но не в хронологическом, а в познавательном смысле.

Преодоление наследия метафизики, в том числе и структурализма, Ж. Деррида предлагает с помощью деконструктивного дискурса. Что такое деконструкция? Отвечая на этот вопрос, философ в статье «Письмо японскому другу» пишет о том, что понятие деконструкции не содержит негативных коннотаций. Деконструировать — это значит разобрать, разложить на слои (лингвистические, логические, фонетические и прочие) те структуры, которые были созданы воображением представителей лингвистического структурализма²⁰. В результате такой «реконструкции» текста можно обнаружить, что представляет собой взаимодействие означающих, организующееся путем отсылок означающих друг к другу в рамках одного текста, а также присущие ему противоречия и внесистемные элементы.

Целью деконструкции является обнаружение структурных и исторических априори донаучного и дорефлексивного мира. Чтобы воспользоваться ею, необходимо освоить следующие правила:

1) правило исключения «трансцендирующего» чтения или отказа от выхода за рамки феномена текста к некому внешнему объекту (например, автору, интерпретатору) или внетекстовому означаемому (например, к какой-то метафизической идее);

2) правило отказа от комментария исследуемого текста, так как это приводит не к реконструкции смысла, а к его производству;

3) правило нелинейного чтения, согласно которому при отделении высказывания А от его истолкования Б можно обнаружить в нем

²⁰ Деррида Ж. Письмо японскому другу // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 55.

ресурсы смысла, которые принадлежат самому тексту. Эти смыслы выявляются при соотнесении высказывания А с каким-либо не следующим из него высказыванием, которое может находиться как в этом же тексте, так и в другом, даже если тот не принадлежит исследуемому автору. На уровне слова этот процесс означает одновременный учет всех коннотативных, а особенно противоречащих друг другу значений.

Итогом деконструкции должно быть новое понятие, созданное в результате «прививки» значений «привилегированных понятий». В качестве примера воспользуемся понятием «архи-письма». Письмо традиционно мыслится в бинарной оппозиции письмо — речь, при этом во всех классических теориях языка речи отводится привилегированное положение. На первом шаге деконструкции исследователь извлекает редуцированные, скрытые возможности структуры речь — письмо. На втором этапе эти возможности обобщаются и прививаются к письму, в результате чего мы имеем новое понятие архи-письма, которое организует вокруг своего значения «неразрешимости» старой оппозиции, «преобразует «вульгарное понятие письма» в новое понятие, которое включает в себя и речь, и письмо»²¹.

Очевидное влияние структурализма обнаруживается в философии языка М. Фуко, одного из признанных лидеров постструктурализма. По мнению философа, анализ дискурса, присущего конкретной исторической эпохе, показывает наличие в его основании устойчивой логико-содержательной схемы — эпистемы. Лежащие в основе эпистемы скрытые структуры мышления, фундаментальные языковые коды, схемы восприятия, иерархии практик определяют порядок воплощения «вещей» в «словах». В работе «Слова и вещи» М. Фуко выделяет три эпистемы.

1. Ренессансная (XVI в.) — слова и вещи тождественны, язык не является обособленной знаковой системой, а рассеян среди природных вещей, слова и вещи составляют единый текст.

2. Классическая (XVII—XVIII вв.) — слова и вещи взаимодействуют через мышление, язык становится автономной системой знаков, что приводит к математизации знания, к рождению таких

²¹ Серль Дж.Р. Перевернутое слово // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 59.

самостоятельных научных дисциплин, как «всеобщая грамматика», «естественная история».

3. Современная (с начала XIX в.) — слова и вещи опосредованы через язык, язык становится объектом познания, превращается в систему формальных элементов, он замыкается на самом себе, выделяет свое самостоятельное бытие.

Исследуя современную эпистему, М. Фуко ставит вопрос об источнике смыслов. В полученном в результате исследования ответе философ провозглашает «смерть субъекта», так как субъект утратил статус единственного законодателя интерпретаций, и способы представления знака закрепились за правилами (формами) речевых практик. Язык, текст и дискурс не только выполняют функцию средства передачи знаний, но и являются носителями правил структурной организации знания. При этом сознание человека утратило эгологичность, а представляет собой совокупность текстов и интертекстуальных связей, вмененных ему для некритического восприятия.

Развитие постструктурализма в философии языка происходило под существенным влиянием психоанализа. Все без исключения его представители так или иначе обращались к проблематике бессознательного. Так, Жан Лакан, французский психоаналитик, предпринял попытку рационализировать абсурдные массивы текстов, порожденных больным сознанием, и предложил признать бессознательное как особый язык. Философ опирается на положение структурализма о том, что закономерности и связи бессознательного (конденсация и замещение) действуют аналогично закономерностям и связям повседневного языка. Кроме того, по мнению Ж. Лакана, язык является единственным свидетельством эволюции индивидуального мифа, чей сюжет основан на бессознательных нарративах.

Доказывая связь языка с клинической симптоматикой, Ж. Лакан указывал на то факт, что невыполненное действие, подавленное желание прорываются через речь. Истинной «пружиной бессознательного» Лакан считает способность языка к порождению метафор, двусмысленности и прочим иносказаниям. Например, он обнаруживал сходство между подобием, которое известно как основание метафор, и фрейдовским замещением. Главной опорой «языковых аналогий» Ж. Лакана является переосмысление понятий

Ф. де Соссюра — «означаемое» и «означающее». У Соссюра они едины как две стороны одного листа бумаги, а у Лакана они разорваны: означающее отрывается от означаемого и пускается в самостоятельное «культурное плавание», образуя комбинации скольжений, сгущений и смещений, а означаемое вообще не принимается в расчет. Бессознательное, структурированное означающими, прерывно, дискретно, расщеплено. При связи по сходству возникают сгущения (конденсации), когда означающие наслаиваются друг на друга так, что в одном проявляется другое или другие. При связи по смежности происходят подмены близких элементов в цепочке (так происходят подмены влечений, путаница между близкими объектами желаний). Именно цепочки означающих определяют сцепления человеческой судьбы, так что человек оказывается тем, что «одно означающее показывает другому означающему» в общей цепи взаимосвязей.

Еще один основоположный тезис лакановской трактовки бессознательного — «бессознательное — это речь Другого». Согласно Ж. Лакану, Другой с заглавной буквы — это порядок культуры и языка, закон, который пронизывает и определяет человека, не допуская никаких отождествлений. В символическом Другом «записаны» запрет на кровосмешение и все сложные механизмы брачных связей и союзов, закрепленные в системе языковых терминов. Как пишет Лакан, «языковые коды, к которым приобщается индивид, оформляют и структурируют бессознательное. Языковые символы, объективирующие бессознательное, окутывают собеседников. Происходит замыкание речевых цепочек, втягивающих в свою орбиту говорящего и слушающего. При этом объективирование бессознательного происходит особым образом: цепи высказываний подвергаются «скручиванию», воспроизводя ленту Мёбиуса, а скольжение по речевой цепочке позволяет выявить ее “изнанку”»²².

²² Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995. С. 42.

Практическое занятие 7

Постструктурализм и психоанализ в философии языка

Цель – сформировать представление о влиянии постструктурализма и психоанализа на философские исследования языка.

Форма проведения – обсуждение докладов по темам.

Темы докладов

1. Грамматология Ж. Деррида.
2. Языковая характеристика психоанализа Ж. Лакана.
3. Концепция смысла Ж. Делёза.
4. Этнометодологический взгляд на язык и коммуникацию И. Гофмана.
5. Язык симулякров в работах Ж. Бодрийяра.

Литература

1. Автономова, Н.С. Познание и перевод. Опыт философии языка / Н.С. Автономова. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 704 с.
2. Барышников, П.Н. Философия для лингвистов. Язык, сознание, реальность: горизонты смысла : учебное пособие / П.Н. Барышников. – М. : Ленанд, 2013. – С. 259–292.
3. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М. : Добросвет, 2000. – 387 с.
4. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман. – М. : Канон-Пресс-Ц, 2000. – 304 с.
5. Делёз, Ж. Логика смысла / Ж. Делёз. – М. : Академия, 1995. – 298 с.
6. Деррида, Ж. Письмо японскому другу / Ж. Деррида // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 53–57.
7. Дьяков, А.В. Жак Лакан. Фигура философа / А.В. Дьяков. – М. : Территория будущего, 2010. – 560 с.
8. Кравиц, А.С. Теория смысла Ж. Делёза: pro и contra / А.С. Кравиц // Философско-литературный журнал «Логос». – 2005. – № 4. – С. 227–258.
9. Лакан, Ж. Инстанция буквы, или Судьба разума после Фрейда / Ж. Лакан. – М. : Русское феноменологическое общество, Логос, 1997. – 184 с.

10. Лакан, Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе / Ж. Лакан. — М. : Гнозис, 1995. — 192 с.
11. Назарчук, А.В. Теория коммуникации в современной философии / А.В. Назарчук. — М. : Прогресс-Традиция, 2009. — С. 204–212, 251–268.
12. Серль, Дж.Р. Перевернутое слово / Дж.Р. Серль // Вопросы философии. — 1992. — № 4. — С. 58–69.
13. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. — М. : Гуманитарная академия, 1996. — 485 с.
14. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарного знания / М. Фуко. — СПб. : А-cad, 1994. — 406 с.

Вопросы для самопроверки

1. Какие философские и лингвистические теории стали основаниями для появления постструктурализма как отдельного направления в философии языка?
2. Как взаимодействуют, с точки зрения Ж. Лакана, язык и бессознательное?
3. Покажите, как структурный анализ дискурса привел М. Фуко к конституированию понятия эпистемы?
4. Каково назначение методологии деконструкции и принципа антилогоцентризма в грамматологии Ж. Деррида?
5. Как соотносятся смысл и предложение в философии языка Ж. Делёза?
6. Чем отличаются между собой концепции смысла Ж. Делёза и Э. Гуссерля?
7. Почему в этнометодологии И. Гофмана коммуникация сводится к речевым актам и взаимопониманию участников «разговора»?
8. Какие вербальные и невербальные формы, с точки зрения И. Гофмана, выражают «невывыказываемое» в разговоре?
9. Какие понятия этнометодологии могут быть, с вашей точки зрения, использованы в подготовке этнолингвистического исследования (рутинизация, «скобки и маркеры», «сборища», доверие, зонирование и т. д.)?
10. Почему Ж. Бодрийяр считает симулякр генератором общественной коммуникации?

11. Поясните мысль Ж. Бодрийяра о том, что симулякр означает разрыв означаемого и означающего, власть означающего, не имеющего означаемого.
12. Каким образом, с точки зрения Ж. Бодрийяра, экономические привилегии переходят в привилегии знаковые?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антропология языка. Вып. 1 : сб. статей / отв. ред. С.Р. Омельченко. — М. : Флинта : Наука, 2010. — 224 с.
2. Барышников, П.Н. Философия для лингвистов. Язык, сознание, реальность: горизонты смысла : учебное пособие / П.Н. Барышников. — М. : Ленанд, 2013. — 384 с.
3. Горбачевский, А.А. Теория языка : вводный курс : учеб. пособие / А.А. Горбачевский. — М. : Флинта : Наука, 2011. — 280 с.
4. Назарчук, А.В. Теория коммуникации в современной философии / А.В. Назарчук. — М. : Прогресс-Традиция, 2009. — 320 с.
5. Павиленис, Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка / Р.И. Павиленис. — М. : Мысль, 1983. — 288 с.
6. Панфилов, В.З. Философские проблемы языкознания: гносеологические аспекты / В.З. Панфилов. — М. : Наука, 1977. — 287 с.
7. Песина, С.А. Философия языка [Электронный ресурс] : учеб. пособие / С.А. Песина. — 2-е изд., стер. — М. : Флинта, 2014. — 376 с.
8. Фефилов, А.И. Феномен языка в философии и лингвистике [Электронный ресурс] : учеб. пособие / А.И. Фефилов. — М. : Флинта, 2014. — 244 с.

Интернет-ресурсы

1. Институт философии Российской академии наук: официальный сайт. — Режим доступа: <http://iph. /elib. htm> — Загл. с экрана. (Дата обращения: 19.06.2016).
2. МИМЕСИС (Образовательный сайт для студентов-филологов). — Режим доступа: <http://www.libfl.ru>. — Загл. с экрана. (Дата обращения: 19.06.2016).
3. Русский филологический портал. — Режим доступа: <http://www.philology.ru> — Загл. с экрана. (Дата обращения: 19.06.2016).
4. Сайт для филологов и историков. — Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru> — Загл. с экрана. (Дата обращения: 19.06.2016).
5. Филологический факультет Московского государственного университета. — Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru> — Загл. с экрана. (Дата обращения: 19.06.2016).

ГЛОССАРИЙ

Аналитические суждения — априорные, логические предложения, имеющие конвенциональную природу и не содержащие информации о мире. Установление их истинности или ложности возможно без обращения к внеязыковым фактам; различаются от синтетических — содержательных, эмпирических предложений естественных наук.

Аномальный монизм — общефилософская теория Д. Дэвидсона, сущность которой состоит в признании несводимости ментального к физическому, а также в приписывании «событиям» наряду с объектами базисного онтологического статуса.

Атомарные предложения — понятие Б. Рассела, в реальности им соответствуют «атомарные факты».

«Бритва Оккама» (принцип выдвинул У. Оккамом, английским философом-схоластом 14 в., хотя сформулирован лишь Б. Расселом) — сущности не следует умножать без необходимости (т. е. понятия, не поддающиеся проверке в опыте и не сводимые к интуитивному знанию, должны быть удалены из науки).

Верификация (от лат. *verus* — истинный и *facio* — делаю) — методологическое понятие, обозначающее процесс установления истинности научных утверждений в результате их эмпирической проверки; согласно верификационистскому подходу, ставшему основополагающим для логического позитивизма, всякое научно осмысленное утверждение может быть сведено к совокупности протокольных предложений, фиксирующих данные чистого опыта и выступающих в качестве элементарных утверждений исчисления высказываний.

Верификационная теория значения — концепция логического эмпиризма, согласно которой смыслом обладают только те предложения, которые сводимы к протокольным предложениям.

Герменевтика — первоначальный смысл: искусство истолкования, учение об интерпретации текстов. В философии Дильтея: наука о понимании как основе гуманитарного знания. У Хайдеггера и Гадамера: основной принцип существования, состоящий в истолковании основных смыслов бытия.

Гештальт — целостный устойчивый образ психики или сознания.

Гипотеза лингвистической относительности — предположение, выдвинутое в работах Э. Сепира и Б. Уорфа, согласно которому процессы восприятия и мышления обусловлены этноспецифическими особенностями структуры языка.

Демаркация — разграничение различных областей знания или бытия. Проблема демаркации впервые была поставлена К. Поппером как проблема разграничения научного и ненаучного знания.

Дескрипций теория — отправной пункт Б. Рассела логического анализа языка.

Естественная установка — понятие феноменологии, обозначающее «наивную» установку сознания, для которой миры — природный и социальный — несомненны, непосредственно даны и приняты на веру как само собой разумеющиеся.

Жизненный мир — понятие философии позднего Э. Гуссерля, обозначающее intersубъективную сферу первоначальных очевидностей, априорных по отношению к логическим схемам.

Иллокутивный акт (понятие теории «речевых актов» Д. Остина) — акт осуществления одной из языковых функций — вопроса, оценки, приказа и т. п.

Индивидуального (личного, приватного, частного) языка аргумент — изобретен Л. Витгенштейном: индивидуальный язык не может существовать, общественный дискурс первичен.

Интенциональность (от лат. *intentio* — стремление) — в феноменологии — первичная смыслообразующая устремленность сознания к миру; акт придания смысла (значения) предмету при постоянной возможности различия предмета и смысла.

Интерпретация — в историко-гуманитарных науках — истолкование текстов, направленное на понимание их смыслового содержания; в математической логике, логической семантике, философии науки — установление значений выражений формального языка.

Интерсубъективность — факт множественности субъектов, выступающий основой их общности и коммуникации; структура субъекта, через интенциональность раскрывающая существование и опыт другого «Я». В аналитической философии интерсубъективность обсуждается в контексте проблематики объективных значений языковых и логических форм (Рассел, Карнап, Куайн) и «языковых общностей» (Хинтиikka).

Интенциональное состояние — термин, предложенный Дж. Серлем для обозначения таких состояний сознания, которые обладают определенным содержанием. Таковыми, например, являются уверенность, желание, знание, поскольку они всегда суть уверенность в чем-то, желание чего-то, знание о чем-то. Неинтенциональным состоянием сознания является, например, беспричинная тревога или эйфория, которые не направлены ни на что определенное.

Констатирующие высказывания (понятие концепции М. Шлика) — предложения наблюдения, способные быть истинными или ложными.

Лингвистический поворот — перевод философских проблем в сферу языка и решение их на основе анализа языковых средств и выражений.

Лингвистическое разделение труда — понятие Х. Патнэма — означает, что определяющие референт (или объем) термина дескриптивные характеристики (его интенционал) не распределены между всеми членами сообщества, но предполагает существование в любом конкретном обществе локального сообщества экспертов, определяющих значение терминов.

Лингвистическое сообщество — предполагаемая группа экспертов (по аналогии с научным сообществом), конвенционально устанавливающая правила употребления, которым следует в своей практике включенный в коммуникативную ситуацию конкретного «сообщества» индивид.

Локутивный акт (понятие теории «речевых актов» Д. Остина) — акт говорения самого по себе (см. также иллюкутивный, перлокутивный акт).

Остенсия — способ определения путем прямого указания (например, пальцем).

Перлокутивный акт (понятие теории «речевых актов» Д. Остина) — акт, вызывающий целенаправленный эффект воздействия на чувства и мысли воспринимающих речь людей.

Перформативные высказывания (понятие концепции Д. Остина) — высказывания, оказывающиеся исполнением некоторого действия.

«Положение вещей» — в философии Л. Витгенштейна элементарная констелляция простых предметов, которой в языке соответствует «элементарная пропозиция»; это также «факт», которому в языке соответствует пропозиция.

«Правильное» употребление имени (С. Крипке) — употребление, соответствующее исходному значению.

«Предложения Рамсея» — предложения, в которых элиминируются все теоретические термины и допускаются только эмпирические термины; эмпирическое обоснование теоретического знания и науки в целом на основе редукции теоретических предложений к эмпирическим.

«Радикальная теория интерпретации» — концепция Д. Дэвидсона, в которой раскрывается связь семантического значения предложений с индивидуальными и социальными структурами убеждений, верований, желаний, намерений и проч.

Референция — представление, согласно которому значением или компонентом значения языкового выражения является тот предмет (или положение дел), на который это выражение указывает.

Скептический парадокс — ставит под сомнение постоянство значения употребляемых слов и знаков.

Трансцендентность — философский термин, характеризующий то, что недоступно опытному познанию или не основано на опыте.

Физикализм — один из основных постулатов неопозитивизма, утверждающего возможность объединения всех наук на основе универсального языка (языка физики); в качестве «базисных высказы-

ваний» принимаются предложения, описывающие наблюдения физических объектов.

«Языковые игры» – концепция позднего Л. Витгенштейна, представляющая «игры» как идеализированные модели употребления слов и выражающая взаимопереплетение различных форм человеческой активности. Выступают для человека как его «формы жизни», в которые он погружен и правилам которых он следует.

